

Д.Н. Верхотуров

ТРИ ВЕКА СПОРА О ВАРЯГАХ

ЛЕТОПИСЬ И ВАРЯГИ

В поисках утраченного наследия

Дмитрий Верхотуров

**Три века спора о варягах.
Летопись и варяги**

«ВЕЧЕ»

2020

Верхотуров Д. Н.

Три века спора о варягах. Летопись и варяги / Д. Н. Верхотуров —
«ВЕЧЕ», 2020 — (В поисках утраченного наследия)

ISBN 978-5-4484-8519-0

«Норманский вопрос», «норманская проблема» – тема для русской исторической науки достаточно болезненная в силу того, что она получила прежде всего политический окрас, выйдя за пределы академической среды. Копья ломают историки-профессионалы, любители и даже досужих обывателей порой не минует чаша сия. Автор не стремится выяснить, кто прав, а кто нет. Он стремится в смысл и ход полемики, чтобы разобраться в сути многовековых споров, видя в них отражение поиска «национального русского нарратива», разворачивая достаточно подробную панораму становления и развития представления о «призвании варягов» и гипотетического создания ими государства Русь. Это книга, необходимая всем, кто интересуется не только древней историей России, но и историей идей.

ISBN 978-5-4484-8519-0

© Верхотуров Д. Н., 2020
© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Введение. Что такое спор о варягах?	6
Глава первая. Происхождение русского национального нарратива	12
Чем Россия отличалась от Европы?	13
Почему отрицалось влияние летописей. на исторический нарратив?	17
Летописание до Петра и при Петре	21
Киевский «Синописис» – опора русского исторического нарратива в XVIII веке	26
Глава вторая. Императорская академия наук – кузница русской национальной идентичности	32
Петровский центр развития национальной идентичности	33
Политические страсти в Академии наук	37
Глава третья. Первый спор о варягах	46
В чем состояла ученость в русской истории. Михаила Ломоносова?	47
Миллер как первый исследователь русской летописи	52
Первый спор о варягах	56
Что Миллер утверждал?	60
Происхождение норманизма	64
Вызов Герхарда Фридриха Миллера. русскому историческому нарративу	68
Глава четвертая. Борьба за историю	71
Неудача Ломоносова	72
Конспиративный реванш за поражение в споре	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Дмитрий Верхотуров

Три века спора о варягах.

Летопись и варяги

© Верхотуров Д.Н., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Посвящается Марии Елифёровой

Введение. Что такое спор о варягах?

Вначале, перед тем как приступить к рассмотрению обстоятельств и причин возникновения спора о варягах, я должен объяснить несколько немаловажных моментов, связанных с моим вхождением в тему истории этой дискуссии, а также применяемыми методологическими принципами. У автора тоже есть своя точка зрения, есть свои отправные принципы, которые нужно сразу обозначить.

Эта книга посвящена дореволюционной части истории так называемого варяжского вопроса, когда споры в основном шли по поводу летописи, ее прочтения и толкования. Она начинается с полемики М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера и завершается работами А.А. Шахматова. Советская и современная часть истории будет изложена в другой книге. Однако вводная глава охватывает более широкую тему, поскольку в ней изложен общий для всего принятого мной исследования истории спора о варягах методологический принцип.

Книга рождалась долго и мучительно, в течение почти 20 лет. Первый интерес к той теме у меня появился в начале 2000-х годов, и он не был связан напрямую с русской историей. Тогда я больше интересовался историей и археологией Сибири и вряд ли предполагал, что когда-нибудь буду заниматься мало знакомой и в общем-то не очень интересной для меня историей Древней Руси. Приключения князей из обширного дома Рюриковичей и пафос, сочившийся из литературы по русской истории, меня не особенно трогали; тагарские курганы были и остаются для меня ближе и любезнее.

Но все же оказался мостик, связывавший историю Сибири и историю Руси. Этим мостиком стал немецкий историк, с молодости связавший свою жизнь с Россией, Герхард Фридрих Миллер. Он совершил поездку по Сибири, побывал во многих сибирских острогах, скопировал множество документов из воеводских канцелярий, которые позднее погибли. На основе этого обширного материала он написал свою «Историю Сибири», которая стала первой книгой по истории Сибири, до сих не потерявшей своего значения. Я использовал ее в своей первой книге «Покорение Сибири: мифы и реальность».

Миллер также занимался историей Руси и стал участником изначального спора о варягах, в котором его оппонентом выступил М.В. Ломоносов. В работах советских исследователей историографии Миллера как только не поносили и не принижали! Это меня неприятно поразило. Крайне несправедливое отношение к историку, проявившему огромное трудолюбие в изучении сибирской истории, создавшему первый научный журнал по русской истории на немецком языке, сделавшему первую публикацию отрывков из русской летописи. У меня появилось стремление детальнее разобраться в этой теме спора о варягах и защитить доброе имя ученого-немца, столь много сделавшего для русской и сибирской истории.

Результатом этого стали довольно обширные предварительные рукописи по историографии, в которых центральное место занимал этот самый спор о варягах, его главные участники, хотя, конечно, приходилось уделять внимание и боковым темам, также весьма важным для понимания сути поставленной проблемы. В целом я тогда стремился составить нечто вроде детального историографического обзора дискуссии с рассмотрением аргументов норманистов и антинорманистов и развития хода спора. Некоторые части этих обширных рукописей я опубликовал в 2004 году в виде нескольких статей, посвященных М.В. Ломоносову и Г.Ф. Миллеру.

Насколько помню, тогда я не ставил перед собой цель представить свое мнение по этому вопросу, полагая, что труд по развитию своей концепции ранней истории Руси может оказаться слишком большим и непосильным. Материалов и публикаций, которые требовалось изучить, было весьма и весьма много, к тому же имевшиеся в начале 2000-х годов публикации вовсе не создавали впечатления, что проблема эта разрешима. Потому я ограничивался чисто историографическими рамками и стремлением воздать всем участникам этого спора по заслугам.

Дополнительно я надеялся, что подробный разбор дискуссии о варягах все же окажет влияние на остальных исследователей и сделает возможным завершение спора выработкой некоей согласованной и базирующейся на научных аргументах позиции.

Но после нескольких лет, доведя рукопись до трудов М.П. Погодина, я охладел к работе и вскоре ее надолго забросил. Причиной тому была сильная неудовлетворенность проделанной работой. Рукопись быстро распухла в объеме, пополняясь все новыми и новыми подробностями давно отшумевших разногласий, но при этом ясности не прибавлялось. Детали и подробности не объясняли, как и почему рождались те или иные точки зрения; складывалось впечатление, что та или иная версия происхождения варягов – это не более чем произвол историка. Вот пришло, скажем, каким-то образом в голову Н.И. Костомарову выводить русь из Литвы, и он эту точку зрения защищал, в том числе и во время второй публичной дискуссии.

Можно было бы и не раздумывать о причинах формирования точек зрения и явочным порядком согласиться с мыслью об их произвольности, но тут было два момента, которые это сделать не позволяли. Во-первых, разброс точек зрения, высказанных за века дискуссии, был столь велик и разнообразен, что будто бы каждый исследователь ранней истории Руси считал своим долгом высказать свою, особенную точку зрения. Заметим, что ни в одном другом разделе русской историографии не было столь буйно процветавшего плюрализма мнений; там обычно быстро складывались две или три основные позиции, с которыми соглашались все другие исследователи, и одна из них приобретала доминирующий характер. В споре о варягах, несмотря на оформление лагерей норманистов и антинорманистов, этого не происходило и даже внутри этих лагерей существовали различные позиции.

И это при том, что произвольность точки зрения в истории все же ограничена наличным корпусом письменных источников, доступными археологическими материалами, да и логикой научного рассуждения. Довольно быстро мне стало ясно, что главный привод спора о варягах лежал за пределами собственно исторической науки и определенно имел политический характер.

Во-вторых, многие исследователи, особенно из лагеря антинорманистов, проявляли по ходу дела необычайную приверженность к своим точкам зрения и защищали их почти буквально с пеной у рта, со скатыванием в самую низкопробную публицистику, даже тогда, когда аргументы их разбивались напором фактов. Так, целый ряд исследователей проявил склонность к категорическому отрицанию и присутствия, и сколько-нибудь значимой роли скандинавов на Руси, невзирая на то что археологические материалы ясно показывали присутствие скандинавов и их высокое социальное положение в обществе Древней Руси, на то, что скандинавские саги и рунические надписи прямо говорили о путешествиях скандинавов на восток, да и на то, что русские князья имели родственные и политические связи со Скандинавией.

Истина в длинных спорах категорически не желала рождаться. Если исследователи заявляют о своей приверженности научному, историческому подходу, то они должны признавать и учитывать в своих построениях бесспорно установленные факты. Книги В.В. Фомина, нынешнего яркого антинорманиста, которые вышли в середине 2000-х годов, ясно показали мне, что лагерь антинорманистов вполне сознательно отбрасывает принцип научности в настойчивых попытках утвердить представление о том, что Русь создана исключительно славянами, что Рюрик был славянином и никаких скандинавов у истоков Руси никогда не стояло.

Подобный подход, как было прекрасно видно из историографии, повторялся на протяжении всего спора о варягах, начиная с М.В. Ломоносова и до наших дней. Это стало проблемой, поскольку требовалось объяснить, каким это образом вполне нормальные в других темах истории в споре о варягах превращались в ярых и довольно разнузданных пропагандистов.

Вот эти обстоятельства разрушили мои изначальные представления о споре о варягах как об академическом диспуте, ведущемся в научных рамках, хотя и с повышенным против обычного накалом страстей. С самого начала это был политический спор, натянувший на

себя одежды академичности, некоторые эпизоды которого оканчивались административными и политическими репрессиями. Возник вопрос о приводе этой политизированной дискуссии, ответа на который почерпнуть из историографии оказалось невозможным. Мне долгое время не удавалось даже сообразить, в чем тут дело.

Шлагбаум перед работой оказался опущенным. В таких условиях даже блистающее подробностями и библиографией сочинение не имело бы научной новизны и ценности, поскольку в нем не было бы ясного ответа на вопрос, почему эта дискуссия началась и почему она шла столь долго, столь упорно и запальчиво, охватывая целый ряд поколений историков. Согласиться с тезисом о произвольности точек зрения я не смог: это был простой, но с очевидностью ложный вывод.

Помимо этого, я понял, что даже от детального обзора историографии спора примирения сторон и выработки общего мнения не будет и в этом смысле долгие труды будут бесполезны. Книга или стала бы предметом шельмования, в котором у антинорманистов длинные и славные традиции, или прошла бы попросту незамеченной. Дебатов я не страшился, но вот работать на полку мне не хотелось. Стало также очевидно, что затрагивать тему спора о варягах без выдвижения своей концепции ранней истории Руси не имеет особого смысла, в этом случае моя позиция и мои оценки тех или иных моментов историографии лишались бы оснований. Благочестивая позиция, иногда выражаемая средневековыми арабскими историками фразой: «Аллах знает лучше», с моей точки зрения, была негодной.

Потому почти десять лет заготовленный для книги материал лежал в виде груды камней, никак не желавших складываться в постройку. Явно не хватало какого-то «замкового камня», который бы все это скрепил воедино. Политические причины спора выходили на первый план, но требовалось найти и сформулировать эту самую причину точно и емко. Некоторое время я считал, что спор вызывался теми или иными большими историческими событиями, какими-нибудь войнами или пертурбациями, вызывавшими, помимо всего прочего, общественный интерес к началу Руси. При всей внешней привлекательности подобной гипотезы мне никак не удавалось найти такой связи, которая, по идее, должна была быть явной и отчетливой. Приступы споров и публичные дискуссии происходили в довольно спокойные времена, много времени спустя событий, которые могли бы вызвать такой острый и жгучий интерес. Мне пришлось эту гипотезу в конечном итоге отставить.

«Замковый камень» отыскался неожиданно и совсем не там, где я предполагал. Им оказались книги израильского исследователя Шломо Занда «Кто и как изобрел еврейский народ»¹, «Кто и как изобрел страну Израиля»², «Как и почему я перестал быть евреем»³. Прекрасный перевод этих сильно на шумевших книг на русский язык, выполненный Александром Этерманом, открыл новые возможности в исследовании спора о варягах.

Казалось бы, какая связь между евреями и варягами? Дело в том, что в своих книгах Шломо Занд разбирал истоки и формирование современного еврейского национализма и его исторической концепции, ставших основой для возникновения Израиля. Свое интереснейшее исследование он вел на методологической основе работ целого ряда исследователей европейского национализма, особенно Б. Андерсона⁴, Э.А. Геллнера⁵ и П.Дж. Джери⁶. Эта группа западных антропологов пошла поперек общепринятых представлений о сущности наций и выдвинула теорию о том, что нации возникли и развивались как воображаемые сообщества.

¹ Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2010.

² Занд Ш. Кто и как изобрел страну Израиля. М.: Эксмо, 2012.

³ Занд Ш. Как и почему я перестал быть евреем. М.: Эксмо, 2013.

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс; Кучково поле, 2001.

⁵ Геллнер Э.А. Нации и национализм. М., 1991.

⁶ Geary P.J. The Myth of Nations. The Medieval Origins of Europe. Princeton-Oxford, Princeton University Press, 2002.

Они показали, что теоретики национализма, создавая нации, придумывали им древнее происхождение и длинную историю, что было обоснованием политических прав этих воображаемых сообществ на определенную территорию с определенным государственным устройством, на ней создаваемым.

Бенедикт Андерсон изящно обосновал, почему нации – именно воображаемые сообщества. Он указал на то, что каждый отдельно взятый представитель нации, конечно, не знает и не может знать лично всех остальных представителей нации, даже если речь идет о небольших нациях, и тем более не связан с ними узами родства. Но при этом представитель нации уверен в монолитности и гомогенности этого сообщества, в горизонтальном товариществе и в правах на совместное владение территорией, обозначенной как национальная. Подобное без воображения представить нельзя, и потому нации – это воображаемые сообщества⁷.

Скрепляющим нации клеем Бенедикт Андерсон считал общую, национальную историю, которая формирует судьбу как всей нации в целом, так и каждого отдельного ее представителя. Эта национальная судьба и преемственность поколений в рамках наций играет очень важную роль в сплочении нации, в достижении национальной гомогенности и в политической борьбе за национальные интересы, частенько требовавшей многочисленных кровавых жертв. Национальная история, или, как ее называет Шломо Занд, национальный нарратив (на мой взгляд, это более точный термин, учитывающий и литературную составляющую любой национальной истории), то есть картина возникновения и развития нации с глубокой древности и до наших дней, формировалась не только на основе реальных письменных источников древности, но постоянно сдабривалась изрядной долей вымысла самого благочестивого свойства. Доля этого вымысла есть в нарративе всех без исключения национальных историй.

В своих работах Шломо Занд показал, каким именно образом еврейский национализм сотворил из доступных ему источников, включая всем известное Пятикнижие (или Ветхий Завет в христианской традиции), поразительную и впечатляющую картину исторического развития нации, в древности утратившей свою родину, которая стремилась эту родину вновь обрести, что и произошло с образованием Государства Израиль. Еврейский национальный нарратив помещал в центр национальных ценностей страну Израиль и Иерусалим. Возникший еще до образования Израиля, этот нарратив требовал борьбы за обретение исторической родины, стал основанием для сионистского движения, переселения в Палестину и ее колонизации. Хотя, как весьма наглядно показал Шломо Занд, традиционные иудейские ценности религиозного свойства рассматривали Иерусалим как духовный, трансцендентальный центр, в котором иудеи соберутся после прихода Машиаха, и вовсе не звали к его непременно обладанию в территориальном смысле. Иудейская община столетиями жила в Цфате, всего в 130 километрах к северу от Иерусалима, не проявляя никакого интереса к обладанию им. Творцам еврейского национализма пришлось радикально перетолковать имевшийся в их распоряжении литературный материал, чтобы сформировать нужный национальный нарратив, ведущий к образованию еврейского национального государства. В его рамках события, изложенные в Пятикнижии, признавались однозначно историческими и имевшими место в действительности, хотя они сегодня не находят подтверждений ни в других письменных источниках, прежде всего египетских, ни в археологических материалах. Но адептов еврейского национального нарратива это нисколько не смущало, и они настаивали и продолжают настаивать на своем с упорством не меньшим, чем антинорманисты настаивали на славянстве Рюрика.

Вот именно это сходство упорства сторонников еврейского национального нарратива с упорством антинорманистов, отрицающих любые намеки на скандинавское участие в создании Руси, и навело меня на мысль, ставшую «замковым камнем». Спор о варягах – это борьба вокруг русского национального нарратива, созданного ради оформления и сплочения русской

⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 30.

нации. Вот это и есть тот самый политический привод, который подпитывал спор на протяжении более чем 250 лет.

Русский национальный нарратив формировался совершенно аналогичным образом, что и в Европе, предусматривая развитие единого национального языка, обоснование древнего и автохтонного происхождения русского народа, создание монументального полотна его единой и непрерывной истории от Рюрика или даже подревнее и до наших дней, со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями. Другая точка зрения на возникновение Руси воспринималась творцами и сторонниками русского национального нарратива как подкоп под нацию в целом с перспективами лишения ее суверенных политических прав на огромную территорию Российской империи, а потом и Советского Союза. Реакция их была, соответственно, острой, напористой и с явным намерением «раздавить гадину», осмелившуюся покуситься на святое.

«Замковый камень» собрал и соединил все ранее разрозненные камни в общую постройку. Сразу появляется ясность и возможность объяснить все изгибы длинного спора о варягах, появляется понимание мотивов тех или иных исследователей, в особенности их необычайной склонности к запальчивым спорам. Откровенно антинаучная позиция антиномистов и их нежелание считаться с фактами перестает быть неразрешимой загадкой, а получает свое логичное объяснение. Становится также понятно, почему спор о варягах постоянно натягивал на себя академические одежды, не являясь собственно научным спором. Сторонникам русского национального нарратива нужно было ради его утверждения в умах представителей русской нации ликвидировать любые сомнения в его достоверности, что сподручнее всего было делать с опорой на авторитет академической исторической науки.

Однако в чем еще выразилось величие книг Шломо Занда, так это в том, что он в методологии изучения наций как воображаемых сообществ и их исторических нарративов пошел значительно дальше своих предшественников. Скажем, Геллнер и Джери полагали нацию сообществом воображаемым и основанным в значительной мере на историческом вымысле, но при этом относились к этому явлению остро негативно. Мол, этот вымысел становится идеологической основой для войн и массового кровопролития. По существу, они осуждали национализм, причем у Эрнста Геллнера эта позиция выражена весьма сильно и она серьезно затрудняет понимание его теоретической концепции.

Шломо Занд, в своих книгах расстающийся с еврейской национальной идентичностью (в пользу де-факто формирующей израильской), такого камня в национализм не бросает. Более того, он показывает, развивая мысли Бенедикта Андерсона, что национальный исторический нарратив есть абсолютно необходимое средство создания, сплочения и развития нации. Если нет представления о древности, непрерывности, единства и определенной исторической судьбы определенной общности, то общность эта в нацию оформиться не может. Потому не важно, сколько в национальном нарративе примешано вымысла, но важно, какая у него способность сплачивать и мобилизовать нацию.

Национальные государства, пришедшие на смену монархиям и религиозным общностям Средневековья, ныне являющиеся основным способом организации людей в крупные сообщества, все же имели, наряду с многочисленными негативными сторонами, сильные преимущества, если оценивать их с точки зрения прогрессизма. Развитие наук, образования, техники, равно как и формирование современного глобализованного мира, совершенно невозможно себе представить без национализма и национальных государств. Более того, по мнению Андерсона, хорошо знакомого с марксизмом, возникновение и развитие наций со всеми положенными им атрибутами было объективным процессом и шло нога в ногу с развитием капитализма. Капитализм востребовал нации и национальные государства (развивавшиеся так же, как крупные, объединенные хозяйственные комплексы) для своего бурного развития.

Так что исторический вымысел, неизменно присутствующий в любом национальном историческом нарративе, определенно работал на эти грандиозные прогрессивные изменения и выступал фактором, толкавшим бурное общественное развитие в Новое и Новейшее время. Более того, можно высказать мысль, обозревая историографическое наследие, что в XVIII веке, когда происходило становление исторического нарратива в ряде европейских стран и в России тоже, без определенного вымысла этот самый нарратив нельзя было выработать. Скудные и неоднозначные письменные источники, критическое изучение которых только делало первые шаги, полное отсутствие археологических материалов попросту не позволяли научным образом решить многие исторические проблемы. Это обстоятельство хорошо видно в историографии спора о варягах. Вымысел же, имеющий литературную природу, сшивал воедино разрозненные сведения, подчерпнутые из письменных источников, делая возможным сформировать единую и цельную картину национальной истории с глубокой древности и развивать воображение, которое было главной предпосылкой для формирования устойчивого национального мировоззрения и постройки национального государства.

В силу большой политической важности национального исторического нарратива его сторонники оказывались невосприимчивы к научной критике многих его положений, поскольку это рассматривалось как подрыв важнейшего устоя самого существования национальной общности. Эта же тенденция существует и сейчас, что наблюдается в продолжающихся дискуссиях о варягах. Так что бить тараном критики в стены здания национального исторического нарратива, в общем, есть занятие весьма занимательное, но по большому счету бессмысленное. От вымысла в рамках нарратива можно отказаться лишь по сугубо политическим мотивам.

Призвание варягов и возникновение Руси всегда было наиболее проблемным местом русской национальной идеи. В отношении других периодов русской истории подобных проблем не было, там вполне объективные исторические свидетельства достаточно хорошо ложились в общую структуру национального нарратива. Там можно было без особого труда выделить и живописать нужные героические моменты. Нарративу не соответствовал лишь самый первый, начальный пункт русской истории – призвание князей «из-за моря», как писал Нестор. Вокруг этого пункта и развернулись основные споры, суть которых с точки зрения оформления национального нарратива состояла в том, чтобы ликвидировать политическую угрозу, проистекавшую из основания государства иноземными правителями.

Глава первая. Происхождение русского национального нарратива

Перед тем как погрузиться в давно прошедшие споры и события давно минувшей истории, надо все же уделить некоторое внимание самому русскому национальному нарративу. В контексте спора о варягах весьма важно понять, что к моменту первой дискуссии между М.В. Ломоносовым и Г.Ф. Миллером этот нарратив в основных чертах уже оформился и даже получил литературное оформление. Когда Ломоносов нападал на диссертацию Миллера, он уже имел довольно четкую и ясную концепцию русского национального нарратива, им же позднее весьма афористично и сформулированную: «Сравнив тогдашнее состояние могущества и величества Славенского с нынешним, едва чувствительное нахожу в нем приращение... Того ради без сомнения заключить можно, что величество Славенских народов, вообще считая, стоит близ тысячи лет почти на одной мере»⁸. Убежденность этого заявления вполне ясно показывает, что у этого взгляда в середине XVIII века уже был свой фундамент.

⁸ Ломоносов М.В. Древняя российская история. СПб., 1766. С. 8–9.

Чем Россия отличалась от Европы?

Если просмотреть труды европейских исследователей сотворения национальных нарративов, например книгу Бенедикта Андерсона, то в них можно заметить одну интересную особенность. Россия там, конечно, упоминается как страна, тоже пошедшая по пути формирования своего национального нарратива. Только его возникновение датируется там очень поздним временем и относится ими к началу и даже первой трети XIX века. Андерсон считает, что русская национальная идентичность возникла в ответ на национальные движения в Европе, и главным образом после Наполеоновских войн, и была связана с трудами С.С. Уварова, президента Императорской академии наук и министра народного просвещения, выдвинувшего при вступлении в министерскую должность 21 марта 1834 года свою знаменитую формулу «Православие, самодержавие, народность»⁹.

⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 108.

С.С. Серов

С этой точкой зрения нельзя согласиться никоим образом. Надо полагать, что она возникла в силу исключительно плохого знакомства европейских исследователей с русской историографией, а также недооценки некоторых специфических русских особенностей, которых не было в Европе.

Исследователи истории развития европейского национализма подчеркивают, что этот процесс начался и шел на основе религиозного протестантизма и в борьбе против своего главного конкурента в сфере идентичности – религиозного универсализма, оплотом которого была католическая церковь. Национальные языки развивались и создавали свою литературу в борьбе с латынью, языком церкви, образования и науки позднесредневековой Европы. Хотя надо отметить, что языковая борьба была в наибольшей степени характерна для германских стран; в романских странах грань между латынью и новыми языками не была столь резкой. На оформление европейского национализма также оказала политическая борьба за основание

национальных государств с монархиями, равно как и борьба против династического государства как такового, часто собиравшего разные земли и народы под одним скипетром¹⁰.

В России были специфические условия для возникновения национального самосознания. Во-первых, ему не нужно было вести борьбу с религией, поскольку православие задолго до первых попыток осознания национальной идентичности стало важным устоем широкой народной идентичности, а также в силу исторических причин опорой для политических претензий государства. Как известно, еще во времена князя московского Ивана III старец Филофей сформулировал свой знаменитый принцип: «Москва – Третий Рим». Православие считало себя истинным христианством, а поскольку все остальные православные государства пали под натиском завоевателей и осталась только Московия, то Филофей и написал: «...яко все христианские царства пришли, вконец и сошлись в единое царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть римское царство: два других Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать...»¹¹

К этому еще стоит добавить упорную борьбу православных с католичеством и униатством, которая интенсивно шла в XVI–XVII веках. Православие, постулируя свою уникальность и истинность, таким образом резко отграничивало русских от других народов и в этом смысле представляло собой питательную среду для возникновения самосознания вполне национального образца. Это, видимо, является одной из причин, почему в России не было широкого и массового протестантизма.

Во-вторых, русское православие с самых ранних пор использовало славянский язык, Библия и Псалтырь были переведены с греческого на славянский, очень близкий к народному языку и даже теперь в основном понятный прихожанам. Помимо отсутствия конфликта между национальным самосознанием и православием не возникло также языкового конфликта, столь характерного для развития национализма в Европе. В России национальный язык развивался на основе в том числе языка церкви и богатой церковной литературы с ее почтенной историей. Это было уникальное условие, когда язык церкви, государства и народа практически совпадали.

Это обстоятельство было явно недопонято европейскими исследователями, тем же Андерсоном. Он искал следы привычного ему языкового конфликта, подчеркивая, что в России при дворе говорили по-французски, а мелкое дворянство говорило по-немецки (хотя стоит заметить, что и при дворе были франкофонные и немецкоговорящие фракции). Это, конечно, правда, но не вся. Русские дворяне были в массе своей двуязычными, то есть владели русским языком в достаточном совершенстве, а те дворяне, которые говорили на нем плохо, были предметом насмешек. К тому же, как прекрасно известно, государственная канцелярия всегда велась по-русски, то есть русский язык занимал твердую позицию государственного языка.

Таким образом, русское национальное самосознание в России имело ценное преимущество – исторически сложившийся единый и общепонятный язык. Это очень существенно облегчало построение исторического нарратива, поскольку позволяло прямо и непосредственно черпать необходимый для этого материал из многочисленных летописей, в том числе и древнейших. В Европе, особенно германской ее части, такого не было, поскольку там тексты были латинскими, а народный язык Средневековья существенно отличался от современного¹². Более того, вплоть до появления «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина именно летопись была главной литературной формой русского исторического нарратива.

¹⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 48.

¹¹ Послание Филофея, игумена Елизаровской пустыни, к Государю великому Василию Ивановичу всея Руси // БАН, собр. Ф. Плигина, № 57, 21.5.15, рук. XVII в. А. 121 об.

¹² Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 67.

В-третьих, в России не было борьбы с династическим государством, напротив даже, именно династическое государство Рюриковичей и Романовых (здесь надо особо подчеркнуть, что основатель второй династии Михаил Федорович состоял в родстве с Федором Иоанновичем, последним царем из династии Рюриковичей; то есть между ними была династическая связь) стало одной из основных колонн, подпиравших русскую национальную идею, национальное самосознание и нарратив. Даже советская версия нарратива, несмотря на ее марксистские основания и антимонархическую риторику, опиралась на эту колонну и всячески пресекала попытки ее подрубить.

Такое столь необычное для Европы слияние династического и национального государства, очевидно, произошло вследствие того, что православие с давних пор стало важнейшим элементом народного самосознания, а русские цари всегда провозглашали себя защитниками православия. Даже во время петровской секуляризации не произошло разрыва церкви и государства; Петр I учредил Святейший Правительствующий Синод, признанный в равнопатриаршем достоинстве константинопольским и антиохийским патриархами. Тесная связь между православием и государством с очевидностью делала невозможной политическую борьбу против династического государства, поскольку такая борьба вела бы к отпадению от православия и утрате связи с русским народом. Такая борьба оказалась возможной лишь на основе марксизма, категорически отрицавшего ценность и монархии, и религии, стоявшего на идее интернационализма. Но и советским марксистам во время Великой Отечественной войны, ради сплочения населения перед лицом врага, пришлось прибегнуть к этим традиционным ценностям. После войны была сделана попытка заменить русскую национальную идею на идею советского народа, выдвинутую в 1944 году Н.В. Нечкиной, оказавшуюся в исторической перспективе не слишком удачной и стабильной.

Так что С.С. Уваров лишь свел в афористичную формулу эти три компонента русского национального самосознания, исторически существовавшие и развивавшиеся в тесной связи: династическое государство Рюриковичей и Романовых, православную веру и народ, издревле пользовавшийся общепонятным языком, из которого развился национальный язык¹³. Причем тесные взаимосвязи этих компонентов оформились задолго до того, как в России приступили к построению национального нарратива.

Если этих особенностей России не знать и не понимать, как это видно в работах европейских исследователей национализма, то нельзя сказать, почему русская национальная идея оформилась столь своеобразным образом. У того же Андерсона российский пример предстает как некий феномен, не находящий должного объяснения в рамках его концепции. Между тем если учесть вышеозначенные особенности, то и этот пример укладывается в концепцию нации как воображаемого сообщества. Пользуясь этой концепцией, не так трудно распутать клубок долгого спора о варягах.

¹³ Лингвистические исследования показали, что существовали многочисленные диалекты и говоры, имевшие между собой различия, которые не препятствовали пониманию.

Почему отрицалось влияние летописей. на исторический нарратив?

Общепонятный язык, восходящий к весьма глубокой древности, и обширный летописный материал с самого начала были главной опорой русского национального нарратива. Более того, этот материал настолько хорошо ложился в русло формирующегося исторического нарратива, что его создателям не пришлось прибегать к сочинению фальшивых летописей, как в Чехии. Это, конечно, не означает, что таких попыток не делалось, и наиболее известный тому пример – фабрикация т. н. «Велесовой книги». Эта подложная летопись была сфабрикована в попытке резко удревнить русскую историю и заодно дистанцироваться от православия, сделав упор на язычество. Но попытка оказалась неудачной, и «Велесова книга» не нашла широкого признания, не говоря уже о том, что была разоблачена специалистами по древнерусской литературе. Национальный нарратив оказался слишком ладно скроен и крепко пошит из вполне объективных исторических свидетельств, чтобы в него получилось бы втиснуть подобные подложные документы.

Но все же историографическое значение летописей для русского национального самосознания сильно недооценивалось, особенно в советской историографии. Во-первых, исследователи не опирались на концепцию нации как воображаемого сообщества, скрепленного историческим нарративом (по чисто объективным причинам; эта концепция появилась только в 1980-х годах, а понимание огромного значения исторического нарратива для развития нации возникло и того позже), что не позволяло увидеть в летописях и тесно связанных с ними исторических сочинениях XVII и начала XVIII века средство развития и укрепления национального самосознания. Во-вторых, историки рассматривали летописи в первую очередь как исторический источник. Летопись как источник и исторические работы (в том числе служащие задачам укрепления национального самосознания) разводились и дистанцировались между собой. Летопись приобретала характер абсолютно объективного источника, к сведениям из которого принято относиться с доверием. Но если полагать так, то совершенно невозможно понять, каким это образом М.В. Ломоносов оформил, да еще таким лаконичным образом, свою позицию.

Мои изыскания по этому вопросу, сделанные еще на ранних стадиях работы над книгой, вполне определенно показали, что дистанция между летописями и исторической литературой гораздо короче, чем принято было считать. Принято же было считать, что летописные традиции прервались в XVI веке, как это событие датировал Д.С. Лихачев. Он обосновал это так: «Летописание, которое в предшествующие века было не только историей Русского государства, но и государственной историей, велось государственной заботой – отныне становилось по преимуществу частным делом отдельных авторов»¹⁴. Это оказалось главной причиной, по которой Лихачев не признавал исторические сочинения XVII века, носящие явно летописный характер, летописями. По единственной причине – что они составлены не под надзором государства и потому летописями быть не могут! Хорошо, если в XVII веке уже не было летописей, то что было? Почтенный академик на эту тему говорит так: появился новый жанр исторической литературы, более развитый по сравнению с летописанием: «На смену летописания в XVII веке прочно утвердились исторические новеллы, хронографы и степенные книги с продолжениями, охватывающими события последних лет»¹⁵. И в такой капитальном труде, как «Очерки по истории исторической науки в СССР» под редакцией М.Н. Тихомирова, об этом говорится категорично: «Новые приемы русской историографии особенно проявились во второй поло-

¹⁴ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. –Л.: АН СССР, 1947. С. 375.

¹⁵ Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 376.

вине XVII века, когда возникают исторические произведения, только внешне сохраняющие вид летописи, но по существу совершенно отходящие от старой летописной традиции»¹⁶. По мнению М.Н. Тихомирова, сочинения XVII века нельзя назвать летописями в силу новых требований к историческим работам, эти изменения заключались вот в чем:

1. Расширение круга авторов.
2. Отход от стиля летописи.
3. Значительное расширение исторической тематики.
4. Привлечение новых материалов.
5. Усиление критики исторических источников¹⁷.

Эта точка зрения двух известных историков прямо вытекает из их представления о том, что летопись – это исторический источник. Лихачев, вообще проявлявший большую склонность к опрокидыванию современных реалий в древность, определял летописание как собрание документов и исторических фактов, а саму летопись характеризовал как некоторый упорядоченный архив, будто бы специально предназначенный для будущего историка. Впрочем, более точно: «Летопись на протяжении IX–XV веков – это в основном документ, дневник, «погодник» исторических фактов, систематизированное собрание исторических материалов, своеобразный архив»¹⁸.

Собственно, из этого представления Лихачева о летописании выросло его убеждение в том, что летопись обязательно должна иметь государственное значение. Но ведь этим дело совершенно не исчерпывается. Летописание было не только государственным делом, но и частным. Существовали, во-первых, летописи других центров Руси: псковские, новгородские, тверские, киевские, и многие другие. Во-вторых, были летописи монастырские, а в XVII веке, который кажется Лихачеву эпохой прекращения летописания, появились летописи родовые (Строгановская летопись) и даже летописи одного автора (Ремезовская и Есиповская летописи). Кроме того, все это время продолжалась переработка и продолжение старых летописей и исторических книг, что выразилось в создании целого ряда исторических сочинений.

Нельзя не сказать, что точка зрения Лихачева не лишена своей логичности и последовательности. Если понимать летописание столь узко, как понимал его он, то, действительно, все, что не входит за эти узкие рамки, нужно исключать из летописной традиции.

Поскольку Лихачев слишком узко понимал летописание, то он и не увидел, что жанр развивался в это время. Из кратких записей по годам, восходящим к заметкам на пасхальных таблицах и, как показали недавние открытия, к заметкам на стенах церкви, летописание превратилось в развитый жанр, где погодные записи делались уже в виде новелл, обладающих своим сюжетом. Первое произведение в московской литературе такого рода появилось в 1512 году под названием «Хронограф», и посвящено оно было событиям мировой истории. Лихачев считает, что жанр летописания с этого момента приходит в упадок. Но, на мой взгляд, есть основание считать, что жанр летописи как раз вышел в зенит своего развития и в XVI–XVII веках оказал огромное влияние на развитие русской литературы. Тут еще стоит указать, что в отношении первоначальной рукописи В.Н. Татищева, охватывающей историю Руси от ее зарождения до Батыева нашествия, переданной в 1739 году в Академию наук, существует мнение, что это на самом деле летописный свод Татищева. Д.А. Мачинский пишет: «Таким образом, второй вариант дотатарской истории Руси представляет именно «Историю» Татищева, предназначенную для его современников и потомков. А в 1964 году вышел базовый «Свод Татищева», основанный только на летописях и вобравший в себя сведения ряда манускриптов,

¹⁶ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М.: АН СССР, 1955. С. 94.

¹⁷ Цитируется по: *Пейтич С.Л.* Русская историография XVIII века. Часть 1. Л.: ЛГУ, 1961. С. 39.

¹⁸ *Лихачев Д.С.* Русские летописи. С. 336.

ценнейшие из которых позднее были утрачены. Этот свод В.Н. Татищев не считал нужным издавать и отдал его на хранение в Академию наук»¹⁹. Составление столь позднего свода определенно подрывает точку зрения Д.С. Лихачева и М.Н. Тихомирова. Да и сам Лихачев неосторожно заявил: «Летописание не перестало быть ведущим жанром русской литературы даже после того, как оно фактически перестало существовать в Москве»²⁰. Этим он дезавуировал всю свою концепцию об отмирании летописания.

Противоречивость взглядов на летописание никак в работах этих историков не объяснялась, а оппонентами практически не критиковалась (хотя некоторые возражения этому имели место). Возникало полное впечатление, что искусственно, с большими натяжками, создавался разрыв на 100–150 лет между «окончанием летописания» и первыми научными историческими работами. Возникает вопрос: зачем столь авторитетным авторам понадобилось выдвигать столь шаткую концепцию, к тому же легко побиваемую фактами?

Но если рассматривать это странное поведение академических историков с точки зрения развития русского национального нарратива, то объяснение становится довольно простым. Во-первых, разумеется, преемственность между поздними летописями, историческими сочинениями XVII–XVIII веков и современной исторической литературой по части славянских доблестей вполне себе имеет место, поскольку все эти разновидности исторической литературы стоят на одной и той же источниковой базе классических древнерусских летописей.

Во-вторых, определенная часть исторических сочинений XIX–XX веков, составленная по всем правилам исторической науки и оснащенная обширной библиографией, явно ставит перед собой задачи укрепления и развития русского национального нарратива. В особенности это относится к обобщающим трудам, доказывающим исконность, древность и славу Русского государства в тех или иных аспектах. В отношении трудов этих нельзя отрицать их научной ценности, поскольку в них, как правило, нарративные и научные моменты тесно переплетаются.

На мой взгляд, целесообразно ввести новое понятие «корпус русского исторического нарратива», в который отнести обобщающие труды, обосновывающие основные постулаты русской национальной истории, такие как автохтонное происхождение русского народа от автохтонных же славян, самобытное зарождение, независимость и слава Русского государства. Это обоснование делается как литературными, так и научными средствами. Эталонным образцом трудов этого корпуса является «История государства Российского» Н.М. Карамзина, ставшего на десятилетия примером для подражания. Принадлежность исторического сочинения к этому корпусу не является негативной его характеристикой, поскольку, как уже сказано выше, без них русское национальное самосознание и национальная идея не смогли бы сформироваться. Они определенно играли важную роль в жизни государства и общества.

При этом надо помнить, что один и тот же исследователь мог сочинять как работы «идеологического» содержания, так и чисто научные работы (как правило, узкоотраслевые статьи и монографии). Эти стороны творчества были тесно связаны между собой и влияли друг на друга.

В-третьих, корпус русского исторического нарратива включает в себя ряд сочинений, составленных и опубликованных еще до возникновения в России исторической науки, тесно связанных с летописанием и во многом продолжающих летописные традиции, посвященных той же самой задаче составления истории древнего и самобытного Русского государства и живописания доблести славян. Образцом такого рода «донаучных» сочинений является киев-

¹⁹ *Мачинский Д.А.* Вновь открытие источники по истории Руси IX–XII вв. // Ладога. Первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г. Сборник статей. СПб.: Нестор-История; СПб. ИИ РАН, 2003. С. 157.

²⁰ *Лихачев Д.С.* Русские летописи. С. 377.

ский «Синописис», которому будет посвящено более пристальное внимание, ибо он сыграл большую роль в споре о варягах.

Корпус отчетливо разделяется на две части, первая из которых сформировалась в XVII–XVIII веках, а вторая часть сложилась в основном в XIX–XX веках. Разница между ними велика, поскольку вторая часть представлена работами, в которых здание нарратива возводится на научном базисе, с применением всего арсенала исторической науки. Переход от следования летописным традициям к научности произошел после первой дискуссии о варягах между М.В. Ломоносовым и Г.Ф. Миллером, а также после появления трудов А.Л. Шлецера, в особенности его «Нестора». Немецкие историки, вооруженные уже довольно развитым в немецкой исторической науке арсеналом критики источников, без особого труда свалили киевский «Синописис», заставив творцов русского национального нарратива всерьез заняться научным базисом.

Летописание до Петра и при Петре

Чтобы не оставалось недосказанности, нужно эту гипотезу об отмирании летописания окончательно свалить. Не так трудно собрать сведения о том, что оно вовсе не отмирало в XVI веке. Крупный знаток русской летописной традиции Арсений Николаевич Насонов писал в 1969 году: «Однако новые данные позволяют внести существенную поправку в наши представления. Не только в XVII веке, но и в начале XVIII века, в петровское время, были попытки составления официальных летописных сводов»²¹. Осторожный тон и ссылка на книгу Лихачева, цитированную выше, могут обмануть читателя и породить у него представление, что Насонов только слегка корректировал расхожие представления. Мол, появились новые данные, и потому будем считать так. Однако в дальнейшем у него есть куда более резкое высказывание, прямо заточенное против Д.С. Лихачева: «Мнение о том, что «летописи в глазах Петра не имели официального значения», теперь оказываются более чем сомнительными»²².

Итак, летописи существовали наряду с новыми формами, пробовавшимися сочинителями. О них С.Л. Пештич пишет: «Нельзя не отметить, что у историков или историков-летописцев XVII века зачастую научность уживалась с религиозным мировоззрением, теологическим и телеологическим представлением об истории»²³. Иными словами, авторы этих работ не порывали с одной из главных особенностей летописания – религиозным подходом. Это прекрасно видно на примере сочинения С.У. Ремезова об истории Сибири. Вот оценка В.Г. Мирзоева ремезовского сочинения: «У Ремезова, писавшего примерно через 100 лет после похода казаков в Сибирь, Ермак получает ореол святости и превращается в житийный персонаж... Ремезов сравнивает его с библейским Самсоном, изображает его действующим в молитвах и постах, подробнейшим образом описывает чудеса, будто бы свершавшиеся над его телом»²⁴. По-моему, очень яркая характеристика труда писателя XVII века.

Не порывали они и с летописным материалом. Исторические сочинения этого времени представляют собой своего рода краткие конспекты летописных сводов и обширных летописей с некоторыми комментариями. И есть многочисленные сведения о том, что в это время на задачи исторического сочинения смотрели именно таким образом.

В 1630 году завершается составление «Нового летописца». Это сочинение, повествующее о Смутном времени и охватывающее правление Ивана Грозного, Годунова, самозванцев, избрание Романовых и правление Михаила Федоровича. «Летописец» проповедовал идеи божественности, наследственности и всенародном признании царской власти. Л.В. Черепнин характеризует основные идеи этого сочинения таким образом: «Царская власть утверждается Богом, права династии на престол освящаются божественным промыслом... Божественным предопределением выдвигается на престол определенная царская линия, в пределах которой власть переходит по наследству... Бог передает власть определенной фамилии, но это божественное предопределение находит свое выражение в голосе народа. Народ открытым высказыванием своей воли выявляет волю Бога»²⁵.

В 1650 году в Троице-Сергиевом монастыре был составлен летописец «От летописца вкратце о Величии России и о благочестивых государях тоя земли, откуда корень их изыде». Как видно, здесь задача сокращения обширной летописи до удобочитаемого объема вынесена в

²¹ Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. С. 478.

²² Насонов А.Н. История русского летописания С. 490.

²³ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Часть 1. Л.: ЛГУ, 1961. С. 44.

²⁴ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М.: Мысль, 1970. С. 35.

²⁵ Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М.: МГУ, 1957. С. 124.

самое заглавие труда. В этом сочинении изложены основные события истории России от начала государства под углом объяснения достигнутого величия страны.

В 1652 году при дворе патриарха Никона был составлен еще один летописный свод. Его значение было неприкрыто политическим, поскольку он завершался рассказом о перенесении в Москву из Соловков мощей митрополита Филиппа, который был убит при Иване Грозном, и поставлением на патриаршество самого Никона²⁶.

Император Петр Великий

В 1657 году был создан Записной приказ, в задачу которого входило составление нового исторического труда специального назначения и по заказу царского двора. Приказ должен был взять за основу Степенную книгу, завершенную в 1567 году, и довести ее до царствования

²⁶ Насонов А.Н. История русского летописания. С. 483–486.

Алексея Михайловича²⁷. Этот факт в корне подрывает тезис Д.С. Лихачева, ибо династия продолжала летописание еще и в XVII веке. Этот приказ просуществовал два года и был ликвидирован в 1659 году. По всей видимости, это было связано с тем, что в 1658 году при дворе патриарха Никона началась переработка «Нового летописца», который получил новое название «Летопись о многих мятежах». В 60-х годах XVII века в Новгороде был составлен еще один свод, на основе протографа 1592 года.

Не оставлялись попытки написать и всеобщую историю России. В 1669 году дьяк Разрядного приказа Федор Грибоедов завершил свой труд под названием «История, сиречь повесть или сказание вкратце о благочестно державствующих и свято поживших боговенчанных царях и великих князьях их в российстей земле богоугодно державствующих, начень от святого и равноапостольного князя Владимира Святого...». Дьяк писал по царскому заказу и выстроил свое повествование как жизнеописание сменявших друг друга царей. М.О. Коялович пишет об этом труде: «Его история одно напыщенное восхваление с пропуском всего, что не подходит под эту задачу»²⁸. Рукопись была взята в царский дворец, а автор ее получил щедрое вознаграждение.

Другое очень известное историческое или летописное сочинение XVII века – «Синопис» – родилось прямо в ходе переработки летописи. В 1670 году в Киеве шла переработка Ипатьевской летописи и составление на ее основе летописного свода, известного как Густынская летопись. Игумен киевского Михайловского монастыря Феодосий Сафонович в 1672 году, пользуясь ей, создал свое сочинение «Хроники з летописцев стародавних, з святого Нестора печерского и Никона, также з хроник польских о Руси, отколе Русь началась и о первых князях русских и о им дальше наступающих князех и об их делах».

Это был достаточно краткий конспект обширной Густынской летописи. Изложение было доведено, как и в летописи, до XIII века. Из этой хроники, которая в 1673 году была переработана в Киево-Печерском монастыре, родился «Синопис», впервые выпущенный в свет в 1674 году с благословения архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия Гизеля. Это сочинение под названием «Синопис, или Краткое собрание от разных летописцев о начале Славено-русского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева, и о житии святого благоверного Великого князя Киевского и Всея Руси первейшего самодержца Владимира и о наследниках благочестивого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича Всея Великия, Малыя и Белыя России самодержца» переиздавалось 30 раз, вплоть до 1861 года²⁹.

В 1686 году в Посольском приказе по распоряжению и под наблюдением князя В.В. Голицына был составлен новый летописный свод, который должен был прославить достижение «вечного мира» с Польшей, заключенного в 1686 году, и по которому Польша уступала Левобережную Украину с 85 городами³⁰.

Хотя Петр I считается большим преобразователем, безжалостно ломавшим старые традиции, тем не менее и он отдал дань уважения летописной традиции. Самодержец был сильно увлечен увековечиванием своих достижений. Он лично написал предисловие к «Морскому уставу», в котором повелел считать начало русского флота с собственного ботика на Плещеевом озере. Еще Петра занимало увековечивание своих подвигов в Северной войне. Лучшие перья страны стали трудиться над этой книгой, причем Петр сам многое просматривал и правил. Лучше всего вышло у П.П. Шафирова и Феофана Прокоповича. Написанное Шафировым «Рассуждение о причинах свейской войны», оконченное в 1720 году, понравилось Петру до

²⁷ Черепнин Л.В. Русская историография. С. 128–129.

²⁸ Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск: Лучи Софии, 1997. С. 126–127.

²⁹ Коялович М.О. История русского самосознания. С. 130; Черепнин Л.В. Русская историография... С. 132.

³⁰ Черепнин Л.В. Русская историография. С. 131.

такой степени, что вышло в свет колоссальным для того времени тиражом 20 тысяч экземпляров³¹.

В изучении всей остальной истории России Петр шел давно проторенным летописным путем и за все время своего царствования много раз пытался составить новый летописный свод.

В 1708 году справщик Синодальной типографии Федор Поликарпов получил от судьи Монастырского приказа И.А. Мусина-Пушкина указание о составлении труда по истории. В письме к Поликарпову Мусин-Пушкин указывал, что царь хочет видеть труд по истории Российского государства со времени Ивана III. Первоначально Поликарпов составил труд из двух частей: хронографа, который излагал события от Сотворения мира и до времени Ивана III, и летопись, которая подробно излагала события с XVI века до 1711 года. Сведения из этого труда позволяют твердо быть уверенным в том, что в начале XVIII века летописные заметки еще продолжались вестись, поскольку в труде имеются многочисленные и подробные описания пожаров с точными датами.

Царю этот труд не понравился, и Мусин-Пушкин в письме Поликарпову написал: «Понеже его царское величество желает видеть Российского государства историю, и о сем перво трудиться надобно, а не о начале света и других государств, понеже о сем много написано»³². Поликарпов составил вторую редакцию своего летописного сочинения под названием «История Российская», которая начиналась с исследования под заглавием «О словенском народе...». Далее кратко, до Ивана Васильевича, излагались события, произошедшие при разных князьях, а вот со времени Ивана III начинается подробное изложение.

Но и этот труд также оказался не по душе Петру, и 2 января 1716 года Мусин-Пушкин писал Поликарпову, что его труд снова отвергнут. Есть сведения о том, что летописное сочинение перерабатывалось еще раз и было представлено в 1722 году³³. После этого, как пишет М.О. Коялович, «Петр затем сузил задачу – он желал иметь краткую сводную летопись»³⁴.

Если бы не своенравие Петра, который отклонил все три редакции труда Поликарпова, то быть бы ему первым русским историком. Справедливости ради стоит сказать, что Федор Поликарпов имеет больше прав на это звание, чем Татищев, начавший работать тогда, когда труд Поликарпова был уже завершен.

Видно, задача составления исторического труда так сильно владела Петром, что о ней знали многие его приближенные и многие за это брались. Самое удачное историческое сочинение петровского времени также появилось на основе «Синописа». В 1715 году секретарь русского посла в Швеции князя Хилкова, задержанного на время войны, Манкиев составил «Ядро российской истории». М.О. Коялович дает нам ключ к пониманию ситуации: «В том томительном уединении он занялся исправлением и дополнением Киевского «Синописа»: Манкиев старался снять наслоения в «Синописе» польских известий и заменить их русскими летописными»³⁵. Манкиев свое сочинение старался представить царю, но потерпел неудачу. «Ядро русской истории» вышло в свет только в 1770 году академическим изданием.

Сам Петр также пользовался летописью, список которой был в его кабинете, бывшей среди русских книжников того времени непререкаемым авторитетом. Ее главным недостатком было то, что события в ней доводились до XIII века, тогда как Петру нужны были сведения и о более поздних временах. Потому он так настойчиво требовал от своих приближенных составления нового летописца.

³¹ Шатило А.А. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М.: Россия – Культура, 1993. С. 162.

³² Насонов А.Н. История русского летописания. С. 492.

³³ Насонов А.Н. История русского летописания. С. 495.

³⁴ Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам... С. 134.

³⁵ Коялович М.О. История русского самосознания. С. 155.

В 1722 году Петр дает указание обер-прокурору Синода Григорию Скорнякову-Писареву составить летописец. И даже выпускает указ о пересылке в Синод всех древних рукописей из всех монастырей³⁶. Однако же и из этого сочинения также ничего не получилось. Здесь необходимо отметить специально этот факт. 1722 год – время, совсем близкое к основанию Академии наук и приглашению большой группы ученых из Европы. Но до их появления в России историческая наука и критические исследования не только не появились, но в деле написания истории России безраздельно господствовал летописный подход и широко ходили разнообразные конспекты летописей и летописные сочинения.

Наконец, в самом конце жизни, очевидно отчаявшись получить от русских писателей удовлетворительный труд по истории, Петр повелевает создать в Академии наук, учрежденной 28 января 1724 года, в третьем ее отделении, куда входили гуманитарные науки, кафедру новой и древней истории. На нее предполагалось пригласить иностранных ученых, которые бы занялись изучением русской истории. И тем самым закладывает фундамент для возникновения в России исследовательской исторической науки. Хотя, как указывалось выше, составление летописных сводов на этом не прекратилось. Влияние летописания в XVII веке на русскую литературу было настолько велико и всеобъемлюще, что даже Петр, прославившийся своим неумным реформаторством, вмешивавшийся почти во все дела своей империи, практически всю жизнь шел в русле летописного подхода к истории и требовал от своих подданных летописного свода. Если уж такой реформатор шел в русле летописной традиции, то что же говорить о других историках XVIII века!

Итак, концепция Д.С. Лихачева об отмирании летописания в XVI веке просто не соответствует действительности, поскольку, как видно из приведенного обзора, летописи составлялись и в XVII, и в XVIII веках. Но этот вывод важен не столько для того, чтобы торжествовать над Лихачевым, сколько для того, чтобы ясно понимать, что аргументы Ломоносова в первом споре о варягах стояли на фундаменте летописной традиции.

³⁶ Этот указ сыграл потом свою роль в перипетиях вокруг источников по русской истории во времена пребывания Августа Людвига Шлецера в России.

Киевский «Синописис» – опора русского исторического нарратива в XVIII веке

Исследователи не раз замечали, что уже в довольно ранних летописях наряду с описанием событий высказываются различные политические и философские идеи. В середине XVII века в России появляются сочинения несколько иного рода, в которых на первое место становится не перечисление и описание событий, а обоснование определенной политической идеи. Одно из первых сочинений такого рода – очевидно, упомянутый выше «Новый летописец» 1630 года. Его, пожалуй, можно признать одним из самых первых сочинений, в которых излагалась и обосновывалась русская национальная идея, а также закладывались самые первые камни в основание русского исторического нарратива.

Хотя рассмотрение истоков русской национальной идеи для настоящего исследования есть тема побочная, тем не менее нельзя не отметить, что развитие национальной идеи в России шло практически одновременно с европейскими странами, в очень схожих социально-политических условиях грандиозного кризиса. По всей видимости, бурные события Смутного времени, а особенно его политический исход, выразившийся в утверждении на престоле новой правящей династии решением Земского собора и при активнейшем участии патриарха, дали сильный импульс развитию национальной идеи в России. Подобный процесс в то же самое время происходил в немецких княжествах на фоне Тридцатилетней войны³⁷. Интеллектуальная элита немецких княжеств тоже вырабатывала понятие «немецкости» и идею национального единства. Эту тему придется оставить в стороне, подчеркнув при этом, что ни в коем случае нельзя считать вслед за европейскими исследователями национализма, будто бы национальная идея в России оформилась очень поздно, только в начале XIX века.

Для исследования спора о варягах гораздо важнее другое сочинение, которое следует рассмотреть более подробно. Это киевский «Синописис». Пожалуй, нет в русской историографии более важной книги, чем эта. Вместе с тем нет другой такой книги, которой бы посвящалось столь мало внимания. В течение почти ста лет с момента первого выхода в 1674 году и до появления «Краткого российского летописца» в 1760 году и «Древней Российской Истории» Ломоносова в 1766 году киевский «Синописис» был единственным сколько-нибудь полным и обстоятельным сочинением по русской истории, доступным широкой публике. В течение более полутора столетий он оставался единственным учебником по русской истории, пока его не вытеснили более совершенные книги. Одновременно «Синописис» в XVII и XVIII веках был одним из самых издаваемых сочинений – он переиздавался 27 раз³⁸. Для России того времени, в которой книгоиздание явно уступало европейскому, это был бесспорный рекорд. «Синописис» можно считать светским бестселлером XVIII века. При этом ни сам он, ни его влияние на историческую науку в русской историографии практически не исследовалось. Более или менее подробный очерк о «Синописисе» есть только в труде П.Н. Милюкова «Очерки истории исторической науки», и опубликовано на эту тему несколько статей³⁹.

Нельзя не признать, что влияние этой книги на развитие русской историографии сильно недооценено. Если Николай Михайлович Карамзин своей «Историей государства Россий-

³⁷ Лазарева А.В. Национальная мысль в Германии в эпоху Тридцатилетней войны. Автореф. ... дис. канд. ист. н. ... М., 2008.

³⁸ Переиздания: 1674, 1678, 1680, 1714, 1718, 1736, далее 18 переизданий в Академии наук, 1823, 1836, 1861 годы – Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М.: Наука, 2002, с. 30; А.А. Формозов высказывает предположения об издании «Синописиса» в 1670 и 1672 годах, а также указывает, что в 1690 году был сделан перевод на греческий, а в начале XVIII века был сделан перевод на латынь (Формозов А.А. Человек и наука. Из записок археолога. М.: Знак, 2005. С. 127).

³⁹ Чистякова Е.В. «Синописис» // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 216–219; Маслов С.И. К истории изданий киевского «Синописиса» // Сборник Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1928. Т. CI. № 3. С. 341–348.

ского» определил направление развития русской исторической науки в XIX веке, то, наверное, можно сказать, что «Синописис» определил ее развитие в конце XVII и в XVIII веке.

Полное название сочинения составлено вполне в духе той эпохи: «Синописис, или Краткое описание от различных летописцев о начале славенского народа, о первых киевских князьях, и о житии святого благоверного и великого князя Владимира, всея России первейшего самодержца, и его наследниках, даже до благочестивейшего государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, самодержца Всероссийского».

Книга состоит из 116 глав. В ней, в первых 16 главах, описывается «происхождение»⁴⁰ славянского народа: о начале древности, о языке, о различных народах-предках и так далее. Следующие 12 глав посвящены княжению первых русских князей от Рюрика до Владимира. 21 глава посвящена описанию жизни князя Владимира и крещению Руси. Эта часть книги завершается главкой «Благодарение Богу от всех росов, в неисповедимом его даре».

Следующая часть из 20 глав посвящена киевским князьям от Владимира до нашествия Батыя. В ней выделяется княжение Владимира Мономаха и вводится глава «О сем, откуда российский самодержец венец царский на себе носить начаша», о происхождении царских регалий. Четыре главы автором отведены на описание монгольского нашествия, а дальше начинается большая часть, посвященная Дмитрию Донскому и Куликовской битве, включающая 29 глав. Это самая большая часть книги, где события получили наиболее подробное описание, включающее, впрочем, описание разнообразных чудес и явлений, вполне в духе летописной традиции.

Рукопись киевского «Синописиса»

Заключительная часть из 14 глав посвящена разным событиям от правления Дмитрия Донского до составления «Синописиса». Здесь описываются киевские князья, правившие под монголами, присоединение Киева к Великому княжеству Литовскому, переселение киевского митрополита в Москву и об устройении в Москве патриаршего престола, а также о Чигиринских походах и присоединении Киева к Москве.

⁴⁰ Взятие слова «происхождение» в кавычки означает донучное представление о генезисе славян, изложенное в «Синописисе».

Структура «Синописа» показывает, что, с точки зрения его составителя, в русской истории было два важных события. Это правление князя Владимира и крещение Руси, а также правление Дмитрия Донского и Куликовская битва. В целом же схематизация русской истории по «Синопису» выстраивается в такой порядок:

- Древнее происхождение славян.
- Основание Русского государства и правление первых князей.
- Правление князя Владимира и крещение Руси.
- Правление князей от Владимира до Батыева нашествия.
- Правление Дмитрия Донского и Куликовская битва.
- Перемещение центра православия в Москву и присоединение Киева к Московскому государству.

Эта схематизация повлияла, в частности, на труды М.В. Ломоносова в области русской истории, и некоторое ее отражение можно найти даже в современной историографии и учебной литературе. Влияние старой схемы открыто признавал, например, А.Е. Пресняков⁴¹.

А.А. Формозов пишет, что «созданный вскоре после присоединения Украины к России «Синопис» должен был показать прямую связь Киевской Руси с Московским царством. Великий князь Киевский Владимир рассматривался как первый царь и самодержец, основатель правящей династии»⁴². Однако, рассматривая содержание «Синописа», трудно согласиться с такой оценкой. Скорее всего, Формозов несколько модернизировал концепцию этого сочинения, приписав основную роль выведению истории правящей династии. В «Синописе» самое пристальное внимание обращается на историю крещения, а также на историю центров православия: Киево-Печерской лавры, ее основания и разрушения, строительства церквей, перемещения центра православия из Киева в Москву. Для автора «Синописа» история славян и первых князей выступает подготовительным этапом к появлению центра православия в Киеве, а Батыево нашествие и Куликовская битва выступают как подготовительный этап к перенесению центра православия в Москву. По всей видимости, главной для автора была именно эта сторона русской истории.

На русских историков XVIII века «Синопис» оказал самое непосредственное влияние, потому что обучение русской истории велось именно по этой книге. Ее штудировали и в Славяно-греко-латинской академии, и в гимназии Петербургской академии наук. Формозов отмечает: «В 1764 году при окончании академической гимназии ученику Василию Зуеву, будущему академику, вручили в награду все тот же «Синопис»⁴³. Поэтому П.Н. Милюков замечает: «Таким образом через школу «Синописа» должны были пройти все они, и не будет удивительным, если мы найдем, что дух «Синописа» царит и в нашей историографии XVIII века, определяет взгляды и интересы читателей, служит отправной точкой для большинства исследователей, вызывает протесты со стороны наиболее серьезных из них...»⁴⁴

Структура «Синописа» выступила в качестве образца для Ломоносова и князя М.М. Щербатова, когда они составляли общие труды по истории России. А через них его косвенное влияние прослеживается в «Истории государства Российского» Карамзина, и дальнейшей историографии. Исследователи более позднего времени отказались от многих положений и утверждений «Синописа», от его описаний чудес и видений, но усвоили и развили структуру русской истории – от древнего и славного происхождения русского народа до воссоединения русских земель под властью Москвы. «В основе схемы – утверждение исконного единства рус-

⁴¹ «Позднейшая историография XVIII и XIX веков сильно от нее зависела, да и до сих пор зависит» (Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 2).

⁴² Формозов А.А. Человек и наука... С. 128.

⁴³ Формозов А.А. Человек и наука... С. 133.

⁴⁴ Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М.: Наука, 2002. С. 30.

ского национального государства и толкование его распада как случайного, ненормального явления»⁴⁵.

Для историков XVIII века значение «Синописа» не исчерпывалось только схемой русской истории, которая почти всеми ими (кроме, как это ни странно прозвучит, историков-немцев: Байера, Миллера и Шлецера) разделялась и использовалась, но и его содержанием. На «Синопис» огромное влияние оказали польские исторические сочинения, особенно сочинение Стрыйковского: «Главным источником Гизеля были не русские летописи, а их пересказ в «Хронике Польской, литовской, жмудской и русской» Мацея Стрыйковского, напечатанной в 1582 году в Крулевце (Кёнигсберге) и известной в ряде русских переводов XVII столетия»⁴⁶. В книге также есть ссылки на хроники Марцина Кромера, Яна Длугоша, на трактат «О двух Сарматиях» Мацея Меховского. В результате обращения к польским источникам, которые в то время не отличались точностью и достоверностью, в «Синопис» попали многочисленные легенды. В их числе легенда, составленная еще Винцентом Кадлубеком в «Хронике поляков» XIII века, о том, что Александр Македонский знал славян, и легенда, появившаяся во времена Гуситских войн (впервые зафиксированная в 1437 году), о грамоте Александра Македонского славянам, писанной золотом на пергаменте⁴⁷. В «Синопис» попали и русские легенды: о мести Ольги древлянам, о гибели Олега от коня, об освобождении Белгорода от половецкой осады с помощью киселя (этой истории выделена целая глава – «О Белгороде, како киселем от осады освобождися»).

Милюков делает по поводу содержания «Синописа» едкое замечание: «Таким образом, первый учебник русской истории явился на свет с довольно случайным содержанием»⁴⁸. С этой оценкой сочинения, пожалуй, стоит согласиться. Текст «Синописа» давал только самое общее представление о русской истории, обильно перемешанное с легендами и описаниями чудес. Несмотря на встречающиеся в тексте ссылки на русские летописи, книга не могла служить руководством для их изучения, ибо сведения из русских летописей привлекались достаточно редко и главным образом для пересказа упомянутых исторических легенд. Таким образом, «историкам XVIII века, учившимся по «Синопису» и проникнутым его духом, предстояла, прежде всего, задача – разрушить «Синопис» и вернуть науку назад, к употреблению первых источников»⁴⁹. П.Н. Милюков, конечно, опрокинул на эпоху «Синописа» реалии и представления, сложившиеся много времени спустя, и не в последнюю очередь под влиянием спора о варягах. Перед русскими историками задачи сокрушения «Синописа» вовсе не стояло, им и так было вполне комфортно в рамках летописной традиции, в которой были уже все компоненты русского исторического нарратива. Отказ от «Синописа» и его последующее забвение было, насколько можно судить, делом вынужденным, произошедшим под влиянием дерзкой немецкой атаки на древнейшую часть истории Руси. Немецкие аргументы трудно было свалить, оставаясь в русле летописной традиции, и потому русским историкам пришлось заняться научным базисом, нужным в том числе и для развития русского исторического нарратива.

В «Синописе» есть часть, которая непосредственно относится к спору о варягах. Это первые 28 глав, в которых излагается происхождение славян, призвание варягов и основание Русского государства. Для автора «Синописа» подробное изучение происхождения славян не было приоритетной задачей. Этот очерк только объяснял, почему славяне довольно в ранние времена завладели такой большой территорией, и пояснял происхождение названия народа.

⁴⁵ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. С. 2.

⁴⁶ Формозов А.А. Человек и наука. С. 128.

⁴⁷ «Тем же славы ради да и трудов воинских дал Александр Царю Славенскому привилеи или грамоту, на паргаменте златом написану, во пред Рождества Христова триста десятого лета» («Синопис, или Краткое описание...». СПб., 1762. С. 3).

⁴⁸ Милюков П.Н. Очерки истории. С. 33.

⁴⁹ Милюков П.Н. Очерки истории. С. 30.

Объяснение это было довольно путаным в силу того, что ни автор «Синописиса», ни авторы польских исторических трудов не проводили систематического исследования древних трудов по географии. Кроме того, здесь излагались явно мифологические родословные русского народа, в духе средневековой традиции, возводящие славян к Афету: «И тако отуда ведати известно подобает, яко Славенороссийский Христианский народ имать начал свойственного родства своего от Афета, Ноева сына»⁵⁰.

Концепция «Синописиса» в вопросе происхождения славян заключалась в том, что все народы, проживавшие на территории, позже принадлежащей славянам, объявлялись славянскими: «Под тем сарматским именем все прародители наши Славенороссов, Мосхов, Россов, Полян, Литвы, Поморян, Волынян и прочих заключаются... От тех же Сармат и Славеноросских той же народ Росский изиде, от него же нече нарицахуся Россы, а иные Алане, а потом прозвашася Роксолане»⁵¹. По существу, по «Синописису», один славянский народ происходил от другого, только сменяя название. Эта концепция потом защищалась М.В. Ломоносовым в споре с Г.Ф. Миллером.

Предлагал «Синописис» объяснения происхождения названия народа. Имя славян произошло от «славы»: «Той же народ расширився на странах полунощных, восточных, полуденных и западных, прочий всех силой, могуществом и храбростию превзойде страшен и славен всему свету бысть... от славных дел своих, наипаче же воинских, славяне, же славные зваться начали»⁵². Соответственно, когда славяне распространились по странам, то приобрели от своего рассеяния имя россы: «Ибо яко Славяне от славных дел своих из начала славное имя себе приобретши, тако по времени от рассеяния по многим странам племени своего розсеяны, а потом Россы прозвашася»⁵³.

Такое простое объяснение вполне устраивало русских XVII и начала XVIII века. Но уже в середине XVIII столетия, когда в России стали лучше известны подлинны сочинения древних географов, в построениях «Синописиса» стали сомневаться. Дополнительно немецкие ученые привнесли дух критики, подчерпнутой ими в библейских исследованиях, и ими такое происхождение славян было поставлено под большое сомнение. Однако критики не могли предоставить тогда готового решения проблемы происхождения славян. Для этого нужно было проделать огромную работу по анализу сочинений древних и средневековых географов, сопоставлению данных, что требовало больших познаний и усидчивости. Поэтому проблема происхождения русского народа так заинтересовала немецких ученых. Как замечает П.Н. Миллюков, «разобраться среди всех этих роксалан, сарматов, цимбров, козаров, восстановить генеалогию россов, мосохов становится соблазнительной задачей для учености, усидчивости или трудолюбия»⁵⁴. Одним словом, именно «Синописис» поставил ту задачу, вокруг которой и развернулся спор о варягах.

Нужно также указать, что ссылки на древнее происхождение народа имели большое значение для развивающейся национальной идеи в России, поскольку в национальных нарративах древность и автохтонность происхождения обосновывала все политические права нации, существование национального государства и владение им определенной территории. К середине XVIII века в Российской империи национальная идея уже оформилась в основных своих чертах, сложилось мощное государство, распространившее свою власть на огромные пространства Евразии, в несколько раз превосходящие по площади всю Европу. Научный интерес к

⁵⁰ Синописис. С. 2.

⁵¹ Синописис. С. 10–11.

⁵² Синописис... С. 3.

⁵³ Синописис... С. 8.

⁵⁴ Миллюков П.Н. Очерки истории... С. 36.

древности и происхождению народов определенно имел политическую подоплеку и мог иметь политические последствия, в том числе и в России.

Глава вторая. Императорская академия наук – кузница русской национальной идентичности

Утвердив тезис о том, что русский исторический нарратив имел летописные истоки и задолго до первого спора о варягах получил солидные основания, мы должны объяснить, почему это Петр, всю жизнь требовавший составления новой летописи, в конце жизни сделал крутой поворот и пригласил европейских ученых, в том числе и историков. В историографической литературе этот резкий поворот, который, вне всякого сомнения, имел свои веские причины, никак не объясняется, если не считать ссылок на реформаторский пыл Петра, разрыв с прежними традициями, стремление к европеизации и тому подобные объяснения, которые, в сущности, ничего не объясняют.

Петр, безусловно, имел веские причины к основанию Императорской академии наук, коль скоро он нажимал на скорейшее приглашение видных ученых и пошел на значительные затраты для организации Академии наук и ее обустройство. Петербургская академия наук была единственной научной организацией в Европе, имевшей свой собственный бюджет, который пополнялся ежегодно таможенными сборами в лифляндских городах. Причем Петр особенно настаивал на том, чтобы выделенные на академию 24 тысячи 912 рублей в год всегда оставались за ней и ни при каких условиях не могли быть затрачены на другие цели. Остальные научные организации жили за счет издания книг и календарей. При этом академия платила полноценное жалованье ученым, чего в других европейских академиях не было. Петербургская академия наук предоставила приглашенным европейским ученым отличные условия для работы. В их распоряжении были хорошие библиотеки, наборы инструментов, оборудованные лаборатории, мастера для изготовления приборов и бюджет для закупки необходимого. Профессорам полагались квартиры, солидное денежное жалованье, возмещение затрат на домашнее хозяйство. Им разрешалось, наряду с работой в академии, вести частные занятия. Ученые в Петербургской академии были обеспечены наилучшим образом, и это привлекало многих европейских светил.

Иными словами, была большая государственная нужда именно в таком решении вопроса, и это касалось в том числе гуманитарных направлений: истории, лингвистики и ориенталистики.

В историографической литературе вплоть до недавнего времени целиком господствовала остро негативная оценка трудов немецких ученых, приглашенных в Академию наук, и всеми силами утверждалась мысль о том, что они фальсифицировали русскую историю и насаждали в академии «немецкое засилье». В таком виде оценка Байера и Миллера появилась сразу после войны: «Уже в 1947 году в книге С.А. Семенова-Зусера Миллер, вслед за Байером, был изображен как фальсификатор русской истории, который «с гениальной политической прозорливостью» разоблачен М.В. Ломоносовым. От Семенова-Зусера получила начало традиция обвинения ученых во всевозможных грехах без оглядки на их труды и без всякой ссылки на них»⁵⁵. Это была чисто политическая оценка ученых, которая никак не вязалась со многими широко известными фактами. Впоследствии для маскировки этого неприглядного положения была сконструирована теория о том, что немецкие ученые «на самом деле» выполняли политический заказ курляндских временщиков при императорском дворе.

⁵⁵ Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII века. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1988. С. 31.

Петровский центр развития национальной идентичности

Между тем не так трудно показать, что эти самые временщики никакого влияния на формирование Академии наук не оказали. Один из основателей Академии наук – И.Д. Шумахер, выпускник Страсбургского университета, был приглашен на должность библиотекаря в 1714 году еще Петром и работал по его поручению и под его непосредственным руководством. Другой основатель и первый президент Академии наук – лейб-медик Л.Л. Блументрост – был еще теснее связан с Россией. Его отец был лейб-медиком при дворе царя Алексея Михайловича, и Лаврентий Блументрост родился в России. Руководство Академии наук было составлено из приближенных Петра.

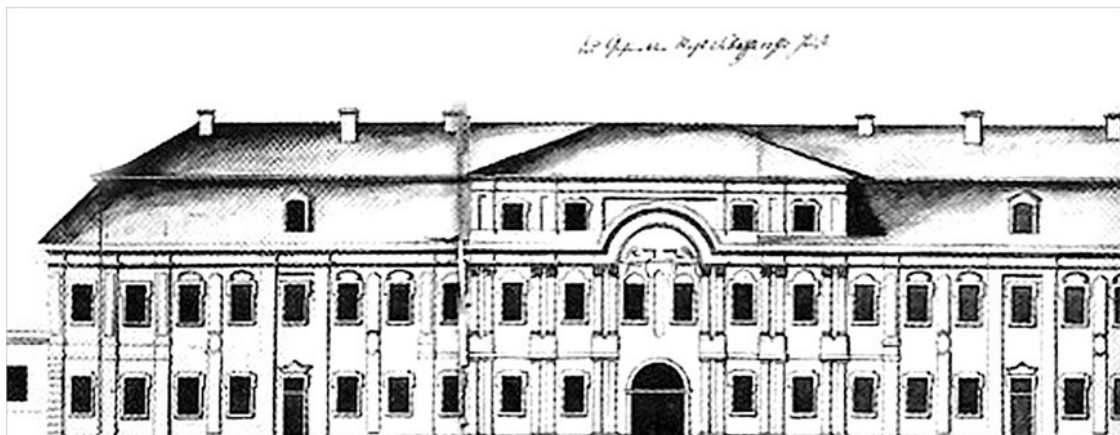
Ученые приезжали в Россию не по велению из Петербурга, а по рекомендациям других, обязательно известных ученых. Ю.Х. Копелевич, рассматривая процесс приглашения ученых в Петербург, отмечает: «Судя по сохранившейся переписке, Блументрост и Шумахер не вступали в переговоры с неизвестными лицами, которые сами предлагали свою услуги, а продолжали опираться на рекомендации признанных авторитетов»⁵⁶.

Один из таких авторитетов, Иоганн Менке, был профессором Лейпцигского университета и издателем журнала «Acta eruditorum», дававшего рецензии на все мало-мальски крупные научные труды, – главного научного журнала в Европе того времени, а с 1708 года официальным саксонским историографом. Он рекомендовал историка И.Х. Коли, который и пригласил с собой в качестве студента Г.Ф. Миллера. Профессор в Галле Христиан Вольф был крупным ученым (профессор университета в Галле, известный философ, физик и математик), но вот политического влияния у него в России не было. Вольф был в 1724 году изгнан из Галле пие-тистами, которые в свою очередь имели теснейшие связи с Россией. С конца XVII века в университете в Галле начинает систематически изучаться русский язык, а в середине века три германских университета: Лейпциг, Йена и Галле – становятся центрами изучения русского языка, культуры и истории. Немецкий исследователь Эдуард Винтер называет Галле важным пунктом русско-немецких отношений в XVIII веке, особенно в первой половине столетия⁵⁷. Галльские пие-тисты, например, намеревались распространить свое учение на восток, в частности в Россию, и с этой целью поддерживали контакты с императорским лейб-медиком Лаврентием Блументростом. Вместе с тем в Галле А.Х. Франке и Г.В. Лудольфом был в 1702 году организован *Seminarium orientale*, который должен был изучать языки и культуру Восточной и Юго-Восточной Европы⁵⁸.

⁵⁶ Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. С. 71.

⁵⁷ Winter E. Halle als Ausgangspunkte der deutsche Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin: Akademie-Verlag, 1953. S. 1.

⁵⁸ Winter E. Halle als Ausgangspunkte der deutsche... S. 8, 32.

Дом Шифрова – первое здание Академии наук (с 1724 года)

Пиетисты поддерживали связи с рядом президентов и вице-президентов коллегий, а центру пиетизма в России – церкви Анненкирхе в Петербурге близ Арсенала – покровительствовал сначала Яков Брюс, а затем фельдмаршал и президент Военной коллегии Бурхардт Миних и граф А.И. Остерман, член Верховного тайного совета⁵⁹. Если бы была верна гипотеза о политической подоплеке формирования Академии наук, то мы бы видели, что рекомендации давал глава пиетистов в Галле, профессор теологического факультета Галльского университета А.Х. Франке. Однако рекомендации давал именно Вольф, и в Петербурге к его конфликту с пиетистами относились сочувственно, предлагали переехать и обещали, что в России церковь не имеет той власти, как в Германии.

Переговорами и приглашениями занимался Даниил Шумахер, которого в феврале 1721 года Петр отправил с разнообразными поручениями в Германию, Голландию, Англию и Францию, которые касались как пополнения библиотеки, так и переговоров с учеными. Эта миссия Шумахера завершилась уже в Петербурге, после обстоятельного рассмотрения Петром результатов поездки, составлением списка ученых, необходимых для открытия нового научного учреждения, а также проекта положения. Уже в 1723 году велись переговоры о переезде, закупке инструментов и книг с французским астрономом Делилем, а также с Христианом Вольфом, в которых он согласился стать посредником в найме ученых. Первый контракт был заключен 1 сентября 1724 года с профессором ботаники И.Х. Буксбаумом⁶⁰.

Историческое направление в первом составе Академии наук было сформировано первоначально историком И.Х. Коли из Лейпцигского университета и ориенталистом Теофилом-Зигфридом Байером из Кенигсбергского университета. Байера как знатока древностей и восточных языков порекомендовал Христиан Гольдбах, выпускник юридического факультета Кенигсбергского университета, который 1 сентября 1725 года заключил контракт с Петербургской академией наук в качестве профессора права. Байер, несмотря на плохое состояние здоровья и обремененность семьей, согласился на переезд, 3 октября 1725 года заключил контракт и уже 6 февраля 1726 года прибыл в Петербург⁶¹, через три месяца после начала работы академии. Он остался очень доволен предложенными условиями и писал об этом в феврале 1726 года: «Я получил все, что мне могло понадобиться. Установлен такой порядок, что, если кому-нибудь на что-нибудь требуется, он может об этом заявить и тотчас дается приказ это

⁵⁹ Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. С. 68.

⁶⁰ Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. С. 52, 65, 73.

⁶¹ Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. С. 92.

достать»⁶². Весьма красноречивое свидетельство о том, какое значение придавалось новой Академии наук.

В этом месте уместно сделать предположение, почему Петр решил поступить именно так и поручить работы по русской истории немецким историкам. Во-первых, он желал увековечить свои государственные достижения и сделать их известными по всей Европе. Во-вторых, что более важно для нашей темы, он был недоволен существующей летописной традицией и, вероятно, именно киевским «Синопсисом», объяснявшим название «россов» рассеянием их. Эта трактовка не годилась для политических целей совершенно, в первую очередь по причине своей неблагоприятности. «Славный росс» не может выводиться из рассеяния. Петр много занимался военным делом и лично командовал армиями в походах и сражениях, и для него, очевидно, слово «рассеяние» было синонимом поражения и бегства.

Петр ввел название своего государства – Российская империя – 22 октября 1721 года, после победоносной Северной войны, вовсе не для того, чтобы в Европе ее воспринимали как «Рассеянную империю». Ему явно требовалось другое объяснение происхождения названия народа и государства, славное и возвышенное, пригодное для утверждения на европейской политической арене.

Но историки, пробовавшие свои силы в составлении российской истории, с этой задачей явно не справлялись. К тому же путаное происхождение «россов», данное в киевском «Синопсисе», не могло быть принято в Европе, в которой развивалось критическое направление в исторической науке. Требовалось вывести четкое происхождение «россов» от какого-нибудь древнего и славного народа. Ради решения этой важной задачи тратились государственные деньги на приглашение и работу в России видных европейских ученых. По существу, в Академии наук создавался центр развития русской национальной идентичности по замыслу и указу Петра.

Была еще одна задача, очень важная для дальнейшего развития русской национальной идеи, – издание газеты. Андерсон огромное значение придавал национальному языку, книгопечатанию и газетам в формировании национального мировоззрения, выделяя в этом именно газету как средство информации о повседневной жизни нации в целом. По его мнению, образование наций и государств в Новом Свете (как в Северной, так и в Южной Америке) было тесно связано с изданием местных газет, что вело к созданию местных воображаемых сообществ. Он напоминает, что с 1691 по 1820 год издавалось не менее 2120 газет⁶³, и показывает, как местные газеты, издававшиеся в Каракасе, Буэнос-Айресе или Боготе, содержащие важнейшую информацию о ценах, приходящих в порты кораблях и других событиях, создавали местные сообщества, которые позже приобрели политическую форму⁶⁴.

В России процесс развития нации шел аналогичным образом и также использовал газету – «Ведомости», а с 1728 года «Санкт-Петербургские ведомости». Изданием первой российской правительственной газеты занимался Г.Ф. Миллер.

Герхард Фридрих Миллер прибыл в Петербург 5 ноября 1725 года, после обучения в двух германских университетах. Сначала он учился в Риппельском университете, а с 1724 года – в Лейпцигском университете, где слушал курс журналистики Иоганна Менка. В июне 1725 года Миллер получил степень бакалавра. В Академию наук он был зачислен сначала студентом, но очень ненадолго. В 1726 году он стал читать в Академической гимназии курс по латинскому языку, истории и географии. 6 января 1728 года по распоряжению президента Академии наук Лаврентия Блументроста Миллер был произведен в профессора⁶⁵. Отмечая этот факт, отече-

⁶² Цит. по: Курмачева М.Д. Петербургская академия наук и М.В. Ломоносов. М.: Наука, 1975. С. 20.

⁶³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 84.

⁶⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 86.

⁶⁵ Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 309.

ственные исследователи крайне удивляются этому и относят на счет козней главы канцелярии Академии наук И.Д. Шумахера: «Шумахер умел отблагодарить своих клеветников. Можно привести пример того же молодого Миллера, который из студентов был, с поблажки Шумахера, произведен сразу в профессора (чего впоследствии Ломоносов не мог простить ни тому ни другому). Причем произведен, по существу, вопреки мнению старших академиков»⁶⁶.

Между тем у Миллера между поступлением в Академию наук и произведением его в профессора были уже важные заслуги. Дело в том, что в 1728 году в типографию Академии наук было передано, одновременно с переименованием, издание газеты «Санкт-Петербургские ведомости» – первой и главной российской газеты. В свое время, при создании академии, не поскупились на затраты, и академическая типография была на уровне мировых стандартов. Однако глава канцелярии Академии наук Шумахер сам ею управлять не мог и потому быстро выдвинул на это дело Миллера, который обладал большими организаторскими талантами, подготовкой журналиста и явно тяготился преподавательской работой в Академической гимназии. С 1728 года Миллер стал издателем самой крупной и самой главной в России газеты, что резко выдвинуло его среди других членов академии. Кроме исполнения заказа Миллер предложил издавать в качестве приложения к «Ведомостям» журнал «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях». Первые выпуски журнала вышли в том же 1728 году и продолжали издаваться до 1742 года⁶⁷. Наконец, 4 июня 1726 года Миллер представил свою первую научную работу по истории русской литературы⁶⁸.

Эти «Примечания» были отмечены в качестве важного достижения в записке профессора Бюльфингера от 27 июля 1730 года, в которой содержалось мнение о Миллере: «Хоть г. Герард Фридрих Мюллер и не читал еще до сих пор в Академическом собрании никаких своих исследований, так как его работы, собственно, к тому и не клонятся, однако же составленные и напечатанные им еженедельные «Примечания» успели дать достаточное представление об его начитанности в области истории, о ловкости его изложения, об его прилежании и об умении пользоваться здешней библиотекой»⁶⁹.

Сразу после произведения в профессора Миллер отправился в заграничную поездку. В числе его поручений были сбыт изданных Академией наук гравюр, приглашение ученых и гравиров, а также опровержение разнообразных слухов об академии, которые в изобилии распространились по Европе⁷⁰. Побывав в Лондоне, он удостоился чести быть избранным в Лондонское Королевское общество, одно из главных европейских научных объединений.

Итак, Миллер очень быстро стал в центр развития русской национальной идеи как редактор и издатель главной российской газеты, а также занял видное место в деле развития русского исторического нарратива, распространяемого через приложение к газете. Его роль стала очень политически значимой.

⁶⁶ Лебедев В. Михаил Васильевич Ломоносов. Р.-н/Дону: Феникс, 1997. С. 55.

⁶⁷ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. С. 376.

⁶⁸ Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII века. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 1988. С. 58.

⁶⁹ Цит. по: Лебедев В. Михаил Васильевич Ломоносов. С. 56.

⁷⁰ Пекарский П.П. История Императорской академии наук. С. 313.

Политические страсти в Академии наук

Сам Миллер желал сделать административную карьеру в Академии наук, стать зятем Шумахера и унаследовать его должность. Но этого не произошло. По приезде он обнаружил его холодное к себе отношение и вскрытый шкаф со своими бумагами. Причиной этого охлаждения Шумахера, очевидно, было то, что Миллера отправили за границу, по сути, как представителя Академии вместо него. Миллер, таким образом, получил почести за то, что сделал Шумахер.

П.П. Пекарский указывает, что именно этот инцидент, перечеркнувший хозяйственную карьеру Миллера в Академии наук, подтолкнул его к занятиям по русской истории, о чем сохранилась его собственная записка: «С молодых лет до возвращения моего из путешествия, сделанного по Англии, Голландии и Германии, я более прилежал к полигистории Шоргофа, к истории учения, к сведениям, требуемым от библиотекаря... Быть может, в Петербурге я сделал бы с нею мое счастье, когда бы дела не приняли иной вид после недоверия, которое показал г. Шумахер вскрытием и расхищением моего шкафа. Тогда у меня исчезла надежда сделаться его зятем и наследником его должности. Я счет нужным проложить другой ученый путь – это была русская история, которую я вознамерился не только сам прилежно изучить, но и сделать известною другим в сочинениях по лучшим памятникам. Смелое предприятие! Я еще ничего совсем не сделал в этой области и был еще не совсем опытен в русском языке, однако полагался на мои литературные познания и на мое знакомство с теми из находившихся в академической библиотеке книгами и рукописями, которые я учился переводить при помощи переводчика... я начал предложение об улучшении русской истории посредством печатания выпусками сборника различных известий, относящихся до обществ и событий в Российском государстве»⁷¹.

⁷¹ Пекарский П.П. История Императорской академии наук. С. 317–318.

Обложка одного из первых выпусков «Sammlung Rußische Geschuchite»

Потому в 1732 году Миллер инициирует издание нового журнала, теперь уже по русской истории на немецком языке, – «Sammlung Rußische Geschichte». Первые три выпуска этого журнала вышли под редакцией Миллера в 1732–1733 годах, пока он не уехал в экспедицию в Сибирь. «Sammlung» стал быстро известен всей образованной европейской общественности. Огромный интерес к нему объяснялся первыми публикациями русских летописей, несторовской летописи в переводе на немецкий язык. В первых шести выпусках журнала, в 1732–1735 годах, издавались выдержки из Повести временных лет в немецком переводе⁷². Журнал широко разошелся по Европе и надолго стал чуть ли не единственным источником сведений по русской истории. В статье о Миллере об этом прямо говорится: «На многие годы журнал «Sammlung Rußische Geschichte» стал основным источником по русской истории для всей про-

⁷² Nachricht von einem alten Manuskript der Rußischer Geschichte des Abres Theodofil von Kiow. – Sammlung Rußische Geschichte. Erstes Stück. St.Peterburg. 1732 и другие выпуски.

свещенной Европы»⁷³. Известно, что его использовали Вольтер и Дидро. В четвертом выпуске журнала, в 1734 году, была помещена большая статья об Александре Невском, которая представляла собой обобщение известных сведений о его биографии как из русских, так и иностранных источников. Также к выпуску была приложена таблица потомков Александра Невского на отдельной вкладке⁷⁴.

В 1730-х годах, когда в России были политические пертурбации и правление временщиков, Академия наук была предоставлена сама себе, денег ей практически не выделялось, академики подолгу дожидались положенного им жалованья. Делами Академии наук правили и президент, и двор, и Сенат, а текущие дела в связи с отъездом императорского двора в Москву (с двором уехал и президент Академии наук Блюментрост) попали в почти исключительное распоряжение Шумахера. Вслед за этими переменами из Петербурга уехали многие ученые. В 1733 году, в связи с организацией Второй Камчатской экспедиции, Миллер до 1743 года уехал в Сибирь, где собрал огромную коллекцию документов, не утратившую своего значения и теперь.

Интерес к русской истории возродился снова с воцарением дочери Петра Елизаветы Петровны. В ночь на 25 ноября 1741 года она во главе гвардейской роты Преображенского полка свергла малолетнего Ивана VI и провозгласила себя императрицей и продолжательницей дела своего отца. переворот произошёл в военное время, поскольку с 28 июля 1741 года шла война России со Швецией, стремившейся пересмотреть итоги Ништадтского мира и захватить земли между Ладогой и Белым морем. Между прочим, на кону стояла судьба основанного Петром Петербурга. Война для Швеции была неудачной, и ей пришлось не только подтвердить Ништадтский мир, но и сделать еще ряд территориальных уступок.

События этой войны во многом изменили обстановку в Петербурге. В ходе переворота было свергнуто Брауншвейгское семейство Антона Ульриха Брауншвейгского, отца Ивана VI, который принадлежал к одной из знатнейших фамилий в Европе и был шурином прусского короля Фридриха II Великого. Укрепление Брауншвейгской династии на российском троне могло иметь весьма далеко идущие последствия для России. В 1733 году его брат Карл I Брауншвейг-Вольфенбюттельский породнился с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом I: он женился на дочери прусского короля Филиппине-Шарлотте, а сын прусского короля, будущий Фридрих Великий, – на сестре Карла I Брауншвейг-Вольфенбюттельского Елизавете Кристине. Таким образом, если бы династия Антона Ульриха пресеклась, что бывало в немецких домах не редкостью, то прусский король мог бы предъявить свои права на русский престол.

Безусловно, эта сугубо гипотетическая возможность так и осталась нереализованной, но, надо полагать, что подобный оборот событий серьезно беспокоил приближенных Елизаветы Петровны, раз Брауншвейгское семейство было арестовано и заточено в ссылку. По всей видимости, это же обстоятельство привело по крайней мере к двум немаловажным последствиям. Во-первых, появилась выраженная вражда и подозрительность к немцам, которая имела место и в Академии наук, и, в частности, явственно прослеживается в событиях, свершившихся вокруг спора Миллера и Ломоносова. Во-вторых, возник сильный интерес к родословной правящей императрицы, очевидно, вызванный стремлением подкрепить знатность ее происхождения и обосновать права на престол, захваченный переворотом.

Думается, что эти обстоятельства привели к первому делу, в котором вместе участвовали Миллер и Ломоносов (прибывший в Россию 8 июня 1741 года после учебы в Марбургском университете, кстати, под руководством Христиана Вольфа, приглашавшего ученых в Академию наук). Это было дело «Родословной...» комиссара П.Н. Крекшина. Начало ему положило

⁷³ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. С. 378.

⁷⁴ Leben des Heil. Alexander Newskei, aus gedruckten Nachrichten zusammengetragen und mit zeugnyßen aus wärtigen Geschichtschreibern bestätigt – Sammlung Rußische Geschichte. Viertes Stück. St.Peterburg, 1734.

представление в Сенат 27 августа 1746 года «Родословной великих князей, царей и императоров», написанной П.Н. Крекшиным. В ней Крекшин выводил род Романовых и царствующей императрицы Елизаветы Петровны от самого Рюрика, родоначальника рода русских великих князей.

После рассмотрения Сенат 12 сентября того же года передал эту «Родословную» в Академию наук на рассмотрение. Разбором этого документа занялся Миллер, давший 6 октября 1746 года ответ на эту «Родословную». Основной ее смысл сводился к тому, что родословную Романовых нельзя выводить от Рюрика. Крекшин должен был написать ответ на возражения Миллера, но почему-то он был представлен только 11 марта 1747 года. Это обстоятельство, впрочем, не помешало Крекшину уже в конце февраля выступить с обвинениями Миллера «в собирании хулы на русских князей»⁷⁵.

Тем не менее ответ был составлен. 18 марта 1747 года в Академии наук собралась комиссия из нескольких профессоров во главе с Миллером, которая занялась разбором представленных ответов Крекшина. В состав комиссии входили Тредиаковский, Ломоносов, Штрубе де Пирмон. Работа над ответом заняла несколько месяцев, и только 23 июля 1747 года комиссия передала рапорт Разумовскому с протоколом заседания по этому вопросу, датированным 19 июля 1747 года. Трудно сказать, почему комиссия занималась рассмотрением этого вопроса столь долгий срок. В рапорте Разумовскому академическое собрание высказалось в поддержку родословной Крекшина. Эту идею Крекшина о родстве Романовых с Рюриком поддерживал и Ломоносов, написавший в приложении к своей истории России краткое родословие князей и царей, где Романовых выводил из Рюриковичей⁷⁶. После этого рассмотрение приняло другой оборот и в центре внимания встали обвинения, выдвинутые в адрес Миллера.

4 августа 1747 года состоялось новое слушание в Сенате. Очевидно, как можно заключить из скудных сведений, содержащихся в комментариях к «Полному собранию сочинений», рассматривалось уже не существо вопроса, а обвинения Крекшина, выдвинутые в адрес Миллера. Ломоносова пригласили на слушание и попросили перевести на русский с латыни выписки Миллера, которые он делал из сочинения польского историка Яна Длугоша. После этого дело было отложено в долгий ящик. Только 4 декабря 1747 года поступило прошение от Крекшина, который надеялся завершить рассмотрение дела. Сенат принял решение обсудить его вопрос еще раз. Но это выполнено не было. В 1769 году дело было сдано в архив Сената. О том, что никакого компромата против Миллера не нашли, говорит не только это дело, оставленное без дальнейшего движения, но и то, что Миллер в 1747 году (правда, трудно сказать, когда именно: до слушаний в Сенате или после) перешел в русское подданство, а 20 ноября 1747 года даже получил должность историографа при дворе.

Вероятно, это многим не понравилось, и в конце 1748 года произошло новое событие. В Академии наук было организовано целое расследование против Миллера, обвиненного в подзрительных связях с иностранными учеными. Этот случай настолько громкий, что не вошел полностью ни в одну биографию Ломоносова. Но документы, посвященные этому и опубликованные в «Полном собрании сочинений» Ломоносова, в десятом томе, показывают совершенно иную картину. В следствии над Миллером Ломоносов принял очень живое участие. Обращает на себя внимание то, что это дело началось сразу же за рассмотрением записки Крекшина о родословной князей. Есть основания полагать, что дело против Миллера было возбуждено в отместку за его участие в разборе родословия Крекшина и критические высказывания о нем.

Дело началось с того, что стало известно о переписке Миллера с французским географом и картографом, профессором Коллеж де Франс Жозефом Никола Делилем, работавшим

⁷⁵ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747–1765 гг. М.-Л.: АН СССР, 1952. С. 341.

⁷⁶ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. С. 357.

до 1747 года в Академии наук⁷⁷, в которой будто бы первый договаривался о том, чтобы опубликовать за рубежом критическое описание работ Академии наук. В этом усмотрели подрыв чести Академии наук, графа Разумовского и императрицы. О переписке Миллера с Делилем было сообщено Разумовскому, и расследованию был дан ход.

По предписанию президента Академии наук графа К.Г. Разумовского 19 октября 1748 года было созвано собрание Академической канцелярии, на котором присутствовали И.Д. Шумахер, Г. Теплов, Й. Штелин, К.Н. фон Винсгейм, Ф.Х. Штрубе де Пирмон, В. Тредиаковский и М.В. Ломоносов. Собравшиеся обвинили Миллера в сговоре с Делилем и подготовке публикации порочащих сведений об Академии наук.

Перед этим в канцелярии Миллер давал объяснения по поводу своей переписки с профессором Делилем. Он предъявил несколько писем Делиля и отвечал, что никакого умысла и сговора у него с ним не было. Объяснения Миллера не удовлетворили почтенное собрание, которое определило оставить его «в подозрении». Все присутствовавшие поставили свои подписи. Следом было принято любопытнейшее решение о производстве обыска на квартире Миллера: «Хотя при вышепомянутом собрании вопросные пункты профессор Миллер ответом своим и очищал, однако остался против письма Делилева подозрительным же. Того ради присутствие по тому делу приказали: те письма, о которых он в ответе показал, что имеются у него, без остатку взять в Канцелярию, да и кроме тех все в доме его какие бы ни были письма на русском и иностранных языках, и рукописные книги, тетради и свертки, осмотра во всех его каморах, сундуках, ящиках и кабинетах, по тому ж взять в Канцелярию, которые запечатать канцелярскою печатью. Сего ради в дом сего ж числа ехать гг. профессорам Тредиаковскому и Ломоносову и при них секретарю Ханину и по отобрании того репортовать в Канцелярию»⁷⁸. Под этим определением семь подписей, в том числе и Ломоносова.

Ломоносов и Тредиаковский поехали на квартиру Миллера и произвели там обыск. Как они пишут в своем рапорте в канцелярию, изъяли у Миллера все рукописи и письма, набрали два больших сундука и один кулек. Все это было опечатано печатью канцелярии Академии наук и личной печатью Миллера, а потом доставлено в канцелярию. Под рапортом опять же подписи Ломоносова и Тредиаковского.

На следующий день канцелярия Академии наук тем же собранием, только за исключением Штрубе де Пирмона, назначила комиссию по разборке бумаг Миллера. Повторное слушание дела состоялось 28 октября 1748 года. Из документов видно, что дело против Миллера разваливалось. В определении от 28 октября 1748 года сказано: «Хотя г-н профессор Миллер и дал изъяснение чрез партикулярные письма к асессору Теплову о предприятии, которое он имел с профессором Делилем тайно, однако ж потому что оно таким образом сочинено, что ничего почти подлинного из того заключить невозможно, а притом на французском языке, да и много постороннего вмешал... того ради в собрании определено требовать от него, Миллера, завтра вкратце изъяснения на русском языке, ибо он, по мнению всего собрания, больше разумеет русский язык, нежели французский...»⁷⁹

Миллер такое изъяснение на русском языке дал. Собрание не удовлетворилось и этими ответами и постановило каждому участнику собрания подать до 31 октября свои личные мнения по этому вопросу. Вот что написал Ломоносов: «Поданные от г-на профессора и историкографа Миллера на письмо, присланное к нему от профессора Делиля из Риги⁸⁰, письмен-

⁷⁷ Во время своей работы в Академии наук с 1725 по 1747 год Делиль внес огромный вклад в развитие астрономии и картографии в России, в частности разработал коническую картографическую проекцию.

⁷⁸ Ломоносов М. Полное собрание сочинений. Т. 10. Служебные документы и письма 1734–1765 гг. М. –Л.: АН СССР, 1957. С. 174.

⁷⁹ Ломоносов М. Полное собрание сочинений. Т. 10. Служебные документы и письма 1734–1765 гг. М. –Л.: АН СССР, 1957. С. 176.

⁸⁰ Очевидно, это письмо Делиль написал по пути во Францию.

ные и словесные ответы не токмо не довольны к его оправданию, но и своими между собой прекословными представлениями подал он причину больше думать о его помянутом Делилем предосудительных для Академии мероприятиях»⁸¹.

Мнения сложились против Миллера. Собрание постановило оставить Миллера под подозрением и написать рапорт графу Разумовскому обо всем этом деле. Интересно, отчего это почетное академическое собрание мало того что вытребовало многочисленные оправдания от Миллера, мало того что произвело обыск на его квартире и вывезло весь рукописный архив, так упорствовало в своих подозрениях? Упорство было бы непонятным, если бы в рапорте Разумовскому не была указана четкая причина этого: «Но как помянутому Миллеру явно открыли, что с письма от Делиля к нему из Риги писанного имеется у нас копия и что его ответы и письменное оправдание к его изъяснению недовольны...»⁸²

⁸¹ Ломоносов М. Полное собрание сочинений. Т. 10... С. 177.

⁸² Ломоносов М. Полное собрание сочинений. Т. 10... С. 179.

Герхард Фридрих Миллер

Почтенное академическое собрание и лично Ломоносов для обвинений Миллера использовали перлюстрацию его переписки с Делием. Ломоносов, безусловно, знал о вскрытом письме Миллеру хотя бы потому, что присутствовал на всех собраниях по этому поводу, подписывал все решения и даже редактировал рапорт Разумовскому. На документе, опубликованном в «Полном собрании сочинений», есть собственноручная правка Ломоносова и его подпись в конце документа. Так что считать его обманутым нет никакой возможности.

Составители рапорта Разумовскому далее пишут, как Миллер изменился лицом, когда они сказали о копии письма Делия ему и как они приняли решение произвести обыск. О результатах обыска пишут так: «...а что в них нашлось, о том, где и когда потребуется, рассуждать будут, то только при сем случае упомянуть надобно, что между многими письмами най-

дены его приятеля профессора Крузиуса, который Миллеру так, как другу, открывает, сколь худое мнение и он о новом правлении Академии имеет»⁸³.

Речь идет об утвержденном императрицей Елизаветой Петровной регламенте Академии наук. Итак, профессора Штелин, фон Винслейм, Штрубе де Пирмон, Тредиаковский и Ломоносов вместе с Шумахером и Тепловым пишут донос на профессора Христиана Крузиуса⁸⁴ графу Разумовскому.

21 октября 1748 года Миллер дает объяснение, что хотел с помощью Делиля повлиять на управление Академией наук, чтобы тот из Парижа написал в Россию, министрам, об Академии. Но и на это у авторов рапорта Разумовскому нашлись возражения: «И понеже ему в первом присутствии объявлено было, что он с помянутым письмом поступил против своей должности, утаив оное от вашего сиятельства, зная, коль много оное чести академической предосудительно...»⁸⁵

«Вашего сиятельства» – это от Разумовского. В первоначальном тексте было написано «Академии президента». Но Ломоносов при правке вычеркнул это сочетание и написал своей рукой обращение лично к Разумовскому. Он настаивает, чтобы обращались к личности графа Разумовского. В рапорте дальше сказано: «Посему видно, что он, Миллер, сообщник был Делиля в том, чтобы повредить чести корпуса Академии, а следовательно, шефа ее... А понеже сие было бы против присяжной должности и такого иностранного человека, который служит в России по контракту на время, но он, Миллер отдал себя России в вечное подданство и присягал служить как верный российский подданный, для того сей его, Миллеров, поступок учинен против его присяги, в которой он обязался всячески хранить честь Академии и противу должности подданного раба е.и.в.»⁸⁶.

Это чисто политическое обвинение, на современном языке оно звучит как «измена Родине». Миллер в переписке с Делилем согласился с негативной оценкой Академии наук, и это стало достаточным основанием для обвинения его в «измене Родине», для следствия, обыска и рапорта-доноса Разумовскому. Под всеми этими документами стоит подпись Ломоносова. Это значит, что он никак не стоял в стороне от политики, и приведенные факты это подтверждают.

Впрочем, результат этого экстравагантного дела оказался для Миллера благоприятным, на его положении в Академии наук это никак не сказалось. Во всяком случае, чуть менее чем через год ему поручили ответственное дело: составить торжественную речь о происхождении имени и народа российского, которая должна была быть произнесена на торжественном собрании Академии наук 6 сентября 1749 года по случаю тезоименитства⁸⁷ императрицы Елизаветы Петровны. В этом же деле должен был участвовать и Ломоносов, составлявший «Слово похвальное». Речь и оду предполагалось издать под одной обложкой и поднести императрице. Пострадавшим от возбужденного дела, видимо, оказался профессор Крузиус, который в 1749 году покинул Петербург и нашел место в Виттенбергском университете.

Эта курьезная история с обвинениями, обысками и перлюстрацией писем тем не менее показывает, насколько накалены были страсти в Академии наук и насколько большое политическое значение придавалось ее работам. Президентом ее был А.Г. Разумовский, фаворит императрицы, обладатель множества титулов и несметных богатств, а также колоссального политического влияния. Это, безусловно, не было случайностью, и, судя по всему, Академия наук при Елизавете Петровне действительно стала кузницей русской национальной идеи и рус-

⁸³ Ломоносов М. Полное собрание сочинений. Т. 10... С. 180.

⁸⁴ Христиан Крузиус был историком и работал в Академии наук с 1740 по 1749 год.

⁸⁵ Ломоносов М. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 180.

⁸⁶ Ломоносов М. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 185–186.

⁸⁷ Именин правящего монарха.

ского исторического нарратива со всеми полагающимися этому атрибутами. Можно не сомневаться в том, что через своего фаворита Разумовского императрица следила за всеми перипетиями в Академии наук и даже, скорее всего, давала указания. Очевидно, поэтому дело против Миллера ничем не кончилось и осталось для него без последствий.

Эта предыстория первого спора о варягах показывает также, что в нем была борьба вовсе не вокруг научного вопроса, а вокруг важнейшей политической проблемы – основания Российского государства.

Глава третья. Первый спор о варягах

Обстоятельствам первого спора о варягах между Миллером и Ломоносовым придется посвятить достаточно большое внимание. Это необходимость как потому, что этот спор вообще сильно повлиял на дальнейшее развитие историографии, так и потому, что вокруг него со временем наплелось немало толкований, не соответствующих действительности. Это и неудивительно. Хотя этот спор поминается почти во всякой работе по русской историографии или по истории Древней Руси, тем не менее относящиеся к нему документы и материалы стали широко доступны лишь в 1960-х годах, вместе с изданием «Полного собрания сочинений» М.В. Ломоносова, куда его репорты и замечания были включены вместе с остальными его бумагами. Работа Миллера, из-за которой и пошел весь спор, была опубликована на русском языке лишь в середине 2000-х годов. До этого был доступен лишь ее латинский перевод издания 1768 года, а также пересказ ее основных положений в работе Миллера «О народах, издревле в России обитавших» 1788 года. Более двухсот лет историки судили о нем по отрывочным цитатам и пересказам пересказов.

Сейчас у нас достаточно документов, чтобы восстановить в основном ход спора и рассмотреть выдвинутые аргументы, оценить их как с научной, так и политической точки зрения. Но вначале посвятим некоторое внимание самим спорящим сторонам: Миллеру и Ломоносову, поскольку в историографии давно сложилось убеждение, что второй превосходил первого в познаниях в исторической области. Правда, с этим представлением согласиться нельзя.

В чем состояла ученость в русской истории. Михаила Ломоносова?

Мнения об учености Ломоносова нельзя назвать иначе, чем панегирическими. Пристальное внимание к его личности уделяли дореволюционные исследователи, в частности большой знаток истории Академии наук и развития просвещения в России П.П. Пекарский. Но особенно большое внимание его личности было посвящено в советское время. В 1961 году было отпраздновано 250-летие со дня рождения Ломоносова, в связи с чем изданы крупные работы, посвященные его жизни и творчеству. К юбилею было завершено издание «Полного собрания сочинений М.В. Ломоносова» в десяти томах, в 1961 году увидела свет «Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова», в которую были занесены все случаи и события жизни ученого, которые нашли отражение в документах. Надо сказать, работа по сбору биографических данных была проведена тщательная, в результате чего в летописи были зафиксированы многочисленные случаи, когда именно Ломоносов «наблюдал грозовые разряды». Кроме этого, вышел ряд монографий и популярных книг по самым разным сторонам его жизни и творчества, составленные в сугубо хвалебном тоне. Вот, например, достаточно типичное высказывание о Ломоносове: «Но каждый раз вглядываясь в его великие труды, с изумлением видишь, что не все еще понятно и сопоставлено, что настоящий гений Ломоносова неисчерпаем и долго еще будут люди находить в его творчестве свежие, оставшиеся непрочитанными страницы и разбирать их... поражаясь бурливому многообразию его кипучей натуры»⁸⁸.

Отсюда и пошла тенденция считать Ломоносова историком, профессиональным историком и даже чуть ли не самым лучшим русским историком XVIII столетия. Утверждение о том, что Ломоносов намного превосходил Миллера в знании русской истории, давно уже стало общим местом в историографии, и в советской историографии это совершенно не оспаривалось. Более того, пожалуй, трудно найти биографию, собрание сочинений Ломоносова или монографию, каким-то образом затрагивающую его творчество, в которой авторы не отметили бы, помимо всего прочего, достижения Ломоносова в области стихосложения и теории «штилей», а также русской истории. Представление о Ломоносове как о выдающемся историке держится на утверждении, что он был «гением», борцом за научную истину и занимался русской историей задолго до спора о варягах в 1749 году.

Правда, встает вопрос: откуда Ломоносов, получивший, как известно, естественно-научное образование, мог хорошо знать историю? Позиция большинства биографов ученого и историографов сводится к предположению, что Ломоносов читал русские летописи еще во время учебы в Киево-Могилянском коллегиуме в 1734 году: «И вот уже Ломоносов целыми днями просиживает над изучением русских летописей. Перед ним проходят главные события отечественной истории, и цепкая его память навсегда удерживает прочитанное»⁸⁹. То же самое утверждение есть и у В.В. Фомина: «Ломоносов, возрастая на Русском Севере, аккумулировавшем народную память, уже с детства, по верным словам В.И. Ламанского, впитывал историю Родины. Слушая в Славяно-греко-латинской академии курсы истории, а также пиитики и риторики, укреплявшие его интерес к истории вообще, он, овладев в совершенстве латынью (ее он знал, свидетельствует историк Фишер, «несравненно лучше Миллера», а сын Шлецера и его первый биограф Х. Шлецер назвал Ломоносова «первым латинистом не в одной только России») и читая по-гречески, самостоятельно изучает отечественные и зарубежные источники,

⁸⁸ Западов А. М.В. Ломоносов и журналистика. М.: МГУ, 1961. С. 5.

⁸⁹ Лебедев Е. Михаил Васильевич Ломоносов... С. 35.

прежде всего летописи, затем приумножая знания русской и европейской истории и совершенствуя навыки в работе с письменными памятниками в Киеве»⁹⁰.

Вообще, слова В.И. Ламанского, сколько бы они верны ни были, не могут служить доказательством большого авторитета Ломоносова в истории. Это очень странный аргумент – заявлять, что Ломоносов с детства интересовался историей и потому он может считаться крупным русским историком. Мало ли кто и чем интересовался в детстве, и для доказательства авторитета историка должны приниматься его научные труды, а не прочитанные в детстве или в университете книги по истории.

Документы же показывают, что Ломоносов так и не проявил последствий этого «навсегда удержанного прочитанного». Когда он в 1751 году засел за составление «Древней Российской истории», он первые три года провел за собиранием материалов. Причем сохранилась собственноручная записка Ломоносова о том, что он в 1753 году, готовясь к написанию этой работы, читал русские летописи, не делая выписок, чтобы иметь общее представление о деяниях князей⁹¹. В этой же записке указано, что Ломоносов познакомился с Нестором, законами Ярослава, «Большим летописцем», «Историей Российской» Татищева, трудами Кромера, Гельмольда, Арнольда и сделал из них выписки только в 1751 году, то есть спустя почти год после дискуссии⁹². Так не делает человек, если он уже детально знаком с историческими источниками!

О плохом знакомстве Ломоносова с историей говорит и тот факт, что в написании «Краткого Российского летописца» ему помогал библиотекарь академии А.И. Богданов, написавший второй раздел сочинения, с хронологическим перечислением князей и событий их правлений. При работе над «Древней Российской историей» Ломоносову помогал студент Введенский, в задачу которого входило чтение книг и составление выписок⁹³. Это коренным образом противоречит версии о том, что Ломоносов «читал летописи впрок».

Единственное, что он действительно мог читать в Славяно-греко-латинской академии в Москве и в Киево-Могилянском коллегиуме по русской истории, – это «Синописис». Другого учебника по русской истории тогда не было. Однако он не мог стать основой для подготовки Ломоносова к спору с Миллером, хотя именно там Ломоносов почерпнул основные тезисы для своей позиции в споре. Это сочинение основное внимание уделяет описанию жизни князя Владимира и крещения Руси, Дмитрия Донского и Куликовской битвы, тогда как происхождение славян и жизнь первых русских князей упоминаются бегло и конспективно. В изложении прихода варягов киевский «Синописис» следует сказанию о призвании варягов из Несторовой летописи.

Если его собственноручные документы показывают недостаточное знание русской истории перед написанием «Древней Российской истории», то откуда пошло мнение о том, что он «читал летописи»? Намек на это, как казалось ряду исследователей, содержался в ответах Миллеру, где Ломоносов говорит об источниках по русской истории. Это было воспринято как доказательство его глубокого знания летописного материала: «Вопрос об источниковой базе оппонента Ломоносов, что характеризует его профессионализм, поднял в первом пункте своего первого отзыва на диссертацию...»⁹⁴ В «Очерках истории исторической науки в СССР» этот момент гипертрофировали в такой степени, что заявили: «Ломоносов опирался в своих работах на огромную массу привлеченных им источников, подавая образцы передо-

⁹⁰ Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. С. 88.

⁹¹ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 573.

⁹² Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 573.

⁹³ Текст записки в канцелярию Академии наук от 12 марта 1757 года: «Но как дело требует чтения весьма многих разных книг с выписками, то вельми одному мне сего исправить и к концу привести невозможно» (Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 575).

⁹⁴ Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь... С. 90.

вого для своего времени истолкования исторических документов»⁹⁵. Был еще один аргумент в пользу этого утверждения. На нескольких летописях и древних рукописях, хранящихся в архиве Академии наук, были обнаружены пометки, сделанные рукой Ломоносова: Патриаршем списке Никоновской летописи, «Хронографе» редакции 1512 года и в Псковской летописи, а также на полях Киево-Печерского Патерика. На полях Патриаршего списка Ломоносов начертал «варяги и жмудь вместе», а на полях Киево-Печерского Патерика – «Latini wasi». Заметки и подчеркивания найдены Г.Н. Моисеевой, и эти находки значительно расширили корпус «исторических заметок», оставленных Ломоносовым на полях рукописей. До этих поисков были известны только заметки на полях Киево-Печерского Патерика⁹⁶. Несколько росчерков на полях летописей – вот какие у нас выдающиеся доказательства исторического авторитета Ломоносова! Однако этот момент является недоказанным. Во-первых, поступление рукописей в Академию наук до 1749 года и наличие заметок Ломоносова на них не доказывает тот факт, что они сделаны до дискуссии. Напротив, документы из архива Ломоносова свидетельствуют, что он стал заниматься чтением летописей после дискуссии, и более правдоподобна версия, что заметки появились в 50-х годах XVIII века.

Помимо киевского «Синописа» мог быть еще один источник некоторых познаний Ломоносова в русской истории. Это «История Российская» В.Н. Татищева. Хотя некоторые авторы считают, будто бы Татищев отправлял ее для рецензирования Ломоносову⁹⁷, тем не менее это не так. В предисловии к первому тому «Истории Российской» В.Н. Татищева, в издании 60-х годов XX века, подробно излагается история сего труда. Первые тетради своего сочинения Татищев переслал в Академию наук для переписывания еще в декабре 1739 года, причем связь он поддерживал только с Шумахером. Когда в 1742–1743 годах Шумахер не управлял делами академии, Татищев не имел связи с ней. В начале 1747 года он переслал первую часть своей книги, а в конце 1748 года написал Шумахеру письмо, в котором просил его поручить Ломоносову написать посвящение к первой части⁹⁸. Тогда предполагалось издание первой части, и Татищев пожелал, чтобы у книги появилось посвящение Ломоносова, которое должно было привлечь внимание двора к труду историка. Подчеркиваем: посвящение, а не рецензия! Ломоносов посвящение к книге Татищева написал. Очевидно, он также прочитал ее перед этим и, видимо, согласился с ее главным тезисом: «Сколько монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез протчее умалается и гинет»⁹⁹.

⁹⁵ Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.Н. Тихомирова. Т. 1. М.: АН СССР, 1955. С. 195.

⁹⁶ Фокин В.В. Варяги и варяжская Русь... С. 90.

⁹⁷ Фокин В.В. Варяги и варяжская Русь. С. 89.

⁹⁸ Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М. –Л.: АН СССР, 1962. С. 24, 35.

⁹⁹ Цит. по: Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М.: Россия – Культура, 1993. С. 177.

Михаил Васильевич Ломоносов. Портрет 1765 г.

До спора с Миллером Ломоносов имел всего три касательства к русской истории. Первое – в 1746 году, когда составлялась надпись к серебряной раке для мощей Александра Невского, в чем Ломоносов также принимал участие¹⁰⁰. Второе – уже упомянутый выше разбор «Родословия великих князей, царей и императоров» П.Н. Крекшина. Третье – написание посвящения «Истории Российской» В.Н. Татищева в 1748 году. Конечно, некоторое представление о русской истории у него было, но назвать его «профессиональным историком» и вообще

¹⁰⁰ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л.: ЛГУ, 1961. С. 169.

образцом учености в исторической области было бы чрезмерно большим преувеличением. У Ломоносова и так хватает научных заслуг, чтобы приписывать ему еще и несуществующие.

Миллер как первый исследователь русской летописи

Роль Миллера в создании русской исторической науки очень долго не была оценена по достоинству. Ни один её представитель в России за всё время развития этой дисциплины не подвергался таким долгим и ожесточенным нападкам, как он. Труды ни одного историка столь долго не замалчивались. Сведения о нем рассеяны по разным публикациям, а труды разбросаны по труднодоступным библиотекам и нередко существуют только в прижизненном издании или в архиве. Мы и теперь, спустя 250 лет, не имеем сводной библиографии обширных трудов Миллера, а также его полной научной биографии. Вплоть до середины 90-х годов XX века существовала только одна подробная биография Миллера – в труде П.П. Пекарского об истории Академии наук¹⁰¹. Вторая подробная биографическая статья о Г.Ф. Миллере вышла в сборнике его сочинений по истории России в 1996 году¹⁰². Пристальное внимание ему, правда, только в разрезе исторической журналистики, уделил томский исследователь Л.П. Белковец в 1988 году¹⁰³. В силу рано появившейся негативной оценки Миллера как историка его деятельность получила очень скудное освещение.

Пока были живы те люди, которые знали Миллера лично и пользовались результатами его трудов, историку воздавалось должное почтение. Хвалили большие достижения Миллера в деле обработки русских архивов Н.И. Новиков (для издания которого – «Древней Российской Вивлиофики» – Миллер помогал собирать древние документы), князь М.М. Щербатов, историкограф Петра Великого И.М. Голиков (который пользовался собранными Миллером материалами). Он долгое время считался как в России, так и в Европе крупнейшим специалистом по истории России. Выпуски его журналов «*Sammlung RuYische Geschichte*», «*Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях*», «*Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие*» были у каждого, кто всерьез интересовался историей России.

Определенная перемена отношения к нему началась с критики некоторых миллеровских тезисов в примечаниях Н.М. Карамзина к своей «Истории государства Российского». Во-первых, грандиозный труд Николая Михайловича заслонил собой труды Миллера, значительная часть которых была издана на немецком языке. Это позволило А.Н. Сахарову в предисловии к переизданию труда Карамзина заявить: «И все же открытие древней России для читателя XIX века оказалось связанным именно с научным творчеством Н.М. Карамзина»¹⁰⁴. Во-вторых, в своих комментариях Карамзин показал Миллера как не вполне объективного историка: «Не только благоразумные критики – Миллер, Шлецер, – но и сам шведский повествователь Далин, весьма склонный к баснословию, отвергает древнюю Историю Саксонову. Несмотря на то, Миллер в своей Академической речи с важностью повторил сказки сего датчанина о России»¹⁰⁵.

В другом месте Карамзин указал, что Миллер в дискуссии 1749 года уступил давлению Ломоносова и других академиков и изменил свое мнение о том, что варяги были скандинавами¹⁰⁶, и примкнул к мнению Ломоносова: «Наконец, Миллер согласился, что Варяги-Русь

¹⁰¹ Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 308–406.

¹⁰² Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. С. 375–426.

¹⁰³ Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII века. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск: Издательство Томского госуниверситета, 1988.

¹⁰⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. С. 6.

¹⁰⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Примеч. ко 2-й главе. С. 208.

¹⁰⁶ Карамзин пишет: «...вместе с Байером признав Варягов Скандинавами...» Однако изучение как диссертации Миллера, так и других его работ на ту же тему показывает, что историк не был так категоричен и указывал, что в составе варягов могли быть люди разного происхождения и общественного состояния.

могли быть Роксолане, в смысле Географа Равенского, а не древние»¹⁰⁷. Огромный авторитет Карамзина отодвинул Миллера на второй план в истории развития русской исторической науки и к тому же придал его работам несколько негативный характер.

Однако в 50-х и 60-х годах XIX века к Миллеру сохранялось взвешенное отношение, С.М. Соловьев и П.П. Пекарский написали два неплохих биографических очерка о нем¹⁰⁸. Очерк Пекарского и теперь остается одним из наиболее полных и объективных.

Постепенно негативная, но все же достаточно взвешенная оценка Карамзина, взятая антинорманистами, разрослась в общую негативную оценку Миллера, а там уже и всех остальных немцев-академиков. После «антинорманистского» года – 1871-го – антинорманисты стали активно проводить мысль о том, что немецкие ученые ничего хорошего для русской науки не сделали. У М.О. Кояловича, выпустившего свой труд в 1882 году¹⁰⁹, есть уже резко негативные оценки Байера, Миллера и Шлецера. Для антинорманистов Миллер становился мишенью как один из основателей теории норманизма. Уже в конце XIX века его стали уличать в неточностях, как, например, сделал Н. Оглоблин, вычитавший, что Миллер пропустил в одном из документов пять с половиной строк, и на основании этого единичного примера сделавший хлесткий вывод: «Очевидно, что искажение входило у Миллера в систему его историографических методов»¹¹⁰.

Хотя, надо сказать, в то время высказывались и здравые оценки творчества Миллера, например крупным исследователем русской историографии П.Н. Милюковым: «Сопоставляя личность Миллера и плоды его ученой работы, нельзя не найти полное соответствие между тем и другим. За эту бесконечную работу собирания, часто граничившую с механической работой списывания, не мог бы взяться настоящий ученый, вроде Байера»¹¹¹. При этом он поясняет, что в то время немецкие ученые в области истории, как правило, ничем, кроме Античности, не занимались и никакого значения собиранию актов недавней истории не придавали.

Когда советская историческая наука, под влиянием политической обстановки 30-х и 40-х годов, вновь резко повернула к антинорманизму, к тому же очень политизированному, то Миллера стали просто шельмовать. Первым в сугубо негативном тоне высказался о нем М.Н. Тихомиров в 1948 году¹¹². Через несколько лет это мнение было повторено в академическом издании «Очерки истории исторической науки в СССР» под редакцией М.Н. Тихомирова. Оно говорит о вкладе Миллера и других историков-иностранцев таким образом: «Деятельность иностранных историков принесла не сколько пользы, сколько вреда для русской историографии, направившая ее по ложному пути неприкрытого подражания иноземной исторической литературы»¹¹³.

Тот же М.Н. Тихомиров стал автором распространенного в советской историографии мнения о том, что норманизм в России появился в качестве политической теории, которая «в сущности, выполняла заказ правительства Бирона... стремилась исторически объяснить и оправдать засилье иноземных фаворитов при дворе Анны Иоанновны». Эта оценка немецких историков, и Миллера в частности, даже несмотря на поправки Л.В. Черепнина, стала господствующей в советской историографии вплоть до конца 80-х годов XX века, когда появился труд Л.П. Белковца, в котором работы Миллера оценивались более или менее объективно. В

¹⁰⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. примеч. к 3-й главе. С. 217.

¹⁰⁸ Соловьев С.М. Писатели русской истории // Сочинения. Кн. XVI. М., 1995.; Соловьев С.М. Г.Ф. Мюллер // Современник. 1854. № 10; Пекарский П.П. История Императорской академии наук...

¹⁰⁹ Переиздание – Коялович М.О. История русского самосознания...

¹¹⁰ Оглоблин Н. К вопросу об историографе Г.Ф. Миллере // Библиограф. 1889. № 8–9. С. 166.

¹¹¹ Милюков П.Н. Очерки истории. С. 87.

¹¹² Тихомиров М.Н. Русская историография XVIII века // Вопросы истории. 1948. № 2.

¹¹³ Очерки истории исторической науки. С. 190.

1996 году Российская академия наук принесла своего рода извинение Миллеру, выпустив в свет в серии «Памятники исторической мысли» собрание его исторических статей.

В отличие от Ломоносова Миллер много и плодотворно трудился как с русскими, так и иностранными источниками. Главная его работа с ними, предшествовавшая спору, состоит в публикации выдержек из Повести временных лет. Миллер, впрочем, переводил текст летописи не дословно, а пересказывал его, но весьма близко к тексту, снабжая необходимыми примечаниями. Пересказ разбит на короткие статьи с датами, обозначенными «А. 860», так же как в летописи. Выдержки начинаются со статьи, обозначенной 860 годом, в которой говорится о дани хазарам и о прибытии варягов из-за моря¹¹⁴.

Бытует мнение, будто бы Миллер допустил в публикации неправильное имя летописца, назвав летопись «Феодосьевой», по имени игумена Киево-Печерского монастыря. К примеру, В.В. Фомин пишет: «О степени его вхождения в русскую историю и сложный мир летописей свидетельствует тот факт, что Миллер, опубликовав в 1732–1735 годах в «Sammlung Rußische Geschichte» немецкий перевод извлечений из летописи с 860 по 1175 год, приписал ее «игумену Феодосию», что вслед за ним повторил Байер в статье «О варягах»¹¹⁵.

Однако, как и во многих других вопросах спора о варягах, злонамеренной ошибки Миллера здесь нет. Более того, нет даже и самой ошибки, потому что в первой статье, посвященной летописи, он вставил в текст правильное русское название: «Книга летописец повесть временных лет черноризца Феодосьева монастыря Печерского, от куда есь пошла Русская земля и кто в ней почал первые княжити». Лишь затем шел немецкий перевод: «...Oder Historie nach Zeitrechnung des Munchen Theodosii im Petscherische Kloster zu Kiow, von dem Ursprunge des Rußische Reichs, und dener ьber daßelbe regierenden Fürsten»¹¹⁶.

Немецкий перевод названия летописи и вправду дает понять, что речь идет о монахе Феодосии в Печерском монастыре Киева. Слово Theodosii в тексте, напечатанном готическим шрифтом, было написано на латыни и напечатано латинским шрифтом и стоит в единственном числе родительного падежа второго склонения¹¹⁷. Согласно правилам латинского языка это согласованное определение, слово Theodosii прилагательное, и оно определяет слово des Munchen. В заголовке статьи, где упомянут «игумен» (Abt), по всей видимости, отражено предположение Миллера о том, что сочинение могло принадлежать игумену монастыря, но слово Theodosii также напечатано латиницей, в отличие от готического немецкого шрифта, и также поставлено в родительном падеже второго склонения латинского языка, то есть является согласованным определением.

В дальнейших публикациях Миллер называл Повесть временных лет совсем не сочинением «игумена Феодосия», как ему приписывается, а «Хроникой Феодосийской Киевской», на манер «Бертинских анналов». Например, в третьем выпуске журнала статья с продолжением публикации отрывков называлась так: «Fortsetzung des Auszugs Rußische Geschichte nach Anleitung des Chronici Theodosiani Kiowensis». И здесь три последних слова были напечатаны латиницей и поставлены в родительном падеже по правилам латинского языка. Тут ошибки и не было, поскольку хорошо известно, что авторство Нестора в летописи не указано. Позднее, в работе «О происхождении имени и народа российского», Миллер все же сказал об ошибке, приписав ее переводчику, и назвал Нестора автором летописи.

¹¹⁴ Nachricht von einem alten Manuskript der Rußischer Geschichte des Abres Theodofil von Kiow // Sammlung Rußische Geschichte. Erstes Stück. St.Peterburg, 1732. S. 9.

¹¹⁵ Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь... С. 95.

¹¹⁶ Nachricht von einem alten Manuskript... S. 21.

¹¹⁷ Родительный падеж латинского языка употребляется для несогласованного определения и косвенного дополнения. Также в родительный падеж часто ставят зависимые существительные и согласованные определения, в последнем случае прилагательное помещают после определяемого слова. – Козлова Г.Г. Самоучитель латинского языка. Учебник. М.: Наука-Флинта, 2003. С. 23.

Миллер тем не менее полагал, что автор у летописи вовсе не один. Он пишет, что игумен Феодосий умер в 1074 году, а события текста летописи доведены до 1206 года: «Что внесено после этого времени до 1206 года, автор этого неизвестен»¹¹⁸. Собственно, имя Нестора как автора Повести временных лет известно из более поздних источников, в частности послания монаха того же монастыря Поликарпа к архимандриту Акиндину, составленного в XIII веке, а не из самой летописи.

Исследователь первым в русской историографии понял, что летопись составлена разными авторами и слагалась из разных источников. Миллер в своем предисловии к изданию выдержек из летописи дает феноменальное указание: «Столь много я вложил в указание, что более древних русских хронографов, как этот, сегодня уже не осталось. Но вытекает из этого труда с полной ясностью, что должен был быть перед ним другой автор, который особенно излагал время прибытия варягов в Россию»¹¹⁹. Этим он на 170 лет предвосхитил выводы А.А. Шахматова. Если бы не спор о варягах, который, по существу, отстранил Миллера от занятий древней русской историей, то вполне вероятно, что критическое изучение русских летописей могло бы начаться гораздо раньше, чем началось в действительности.

Помимо публикации выдержек из русской летописи Миллер был еще первопроходцем привлечения скандинавских источников для изучения истории Руси. Во втором выпуске журнала он привел краткую выдержку из хроники Снорри Стурлуссона и указал при этом: «Россия выводится у Снорро Стурлуссона часто именем Гардарики, часто Хольмгардом и имела ко времени норвежского короля Олава Трюгвассона короля, который звался Вальдемаром»¹²⁰. Снизу Миллер дал сноску, что Вальдемар по-русски – это Владимир, установив таким образом тождество князя из летописи и скандинавского источника. Первые попытки после Миллера ввести в круг источников по истории Руси скандинавские саги были предприняты более чем сто лет спустя.

Как видим, Миллер был весьма и весьма талантливым исследователем письменных источников, сделавшим первые шаги в их критическом изучении и уже понявшим, что авторов у русской летописи было несколько. Заметим, это был 1732 год. В это время Ломоносов проходил класс риторики в Славяно-греко-латинской академии.

Так что по части знания письменных источников по русской истории Миллер был намного выше, чем Ломоносов. По справедливости, Миллера нужно признать основателем критического исследования русских летописей в русской историографии.

¹¹⁸ Nachricht von einem alten Manuskript. S. 3.

¹¹⁹ Nachricht von einem alten Manuskript. S. 3.

¹²⁰ Auszug Rußischer Geschichte des X. und XI. Jahrhunderts. Aus des Snorronis Historie der Nordlichen Künige // Sammlung Rußische Geschichte. Zweites Stück. Peterburg. 1733, S. 114.

Первый спор о варягах

Итак, по случаю тезоименитства Елизаветы Петровны было решено устроить торжественное собрание Академии наук с речью о происхождении имени и народа российского, а также, видимо, ученым диспутом на эту тему. Политический смысл этого действия был довольно очевиден: Академия наук должна была провозгласить, сугубо научно, конечно, древность и величие народа российского.

В выборе члена академии для произнесения торжественной речи с самого начала были трудности, как это следует из переписки И.Г. Теплова и Шумахера, и по самому первому замыслу речь должен был читать Ломоносов. Однако в письме от 9 февраля 1749 года Шумахер высказывается против этой кандидатуры: «Очень бы желал, чтобы кто-нибудь другой, а не г. Ломоносов произнес речь в будущем торжественном заседании, но я не знаю такого между нашими академиками...»¹²¹ По всей видимости, академия должна была представить ученый диспут, ибо Шумахер так говорит о качествах оратора: «Оратор должен быть смел и некоторым образом нахален, чтобы иметь силу для поражения безжалостных насмешников»¹²². Учитывая крайне напряженные отношения между академиками, даже торжественный ученый диспут заранее обещал быть острым и переполненным взаимными нападками.

Далее Шумахер перебирает кандидатуры, причем Миллер даже отвергается, поскольку он был на тот момент профессором университета. По рассмотрению кандидатур Винсгейма, Рихмана, Бургаве и Кратценштерна Шумахер всех их отводит и все же рекомендует Миллера для произнесения торжественной речи.

Как следует из письма Шумахера от 10 августа 1749 года, Миллеру было предоставлено право свободного выбора темы для торжественной речи, причем это исходило непосредственно от президента академии¹²³. Это интересный и важный момент. Во-первых, первоначально все же даже в торжественном выступлении предполагалась относительная свобода научного мнения. Во-вторых, характерно то, что Миллер взял в качестве темы именно такой вопрос, осознавая его важность и значимость для русской истории.

К этому моменту Миллер не представил речь в окончательном виде, а предъявил только предварительный вариант на латинском языке, который 7 августа 1749 года Шумахер переслал Теплову в Москву, на просмотр президенту Академии наук. Как следует из письма Шумахера от 17 августа 1749 года, президент распорядился передать речь на суд профессоров. Судя по дальнейшей переписке, дальше работа пошла коллективная. В письме от 21 августа 1749 года говорится: «Они уже работают над ней и сделают так, что все останутся тем довольны, как и г. Миллер»¹²⁴. Редакторами или соавторами стали Фишер, Штрубе де Пирмон, Тредиаковский, Ломоносов, Крашенинников и Попов. Однако уже через три дня стало ясно, что работа встала из-за упорства сторон. Шумахер в письме от 24 августа 1749 года пишет: «Г. Миллер не хочет уступать, а другие профессора не хотят принимать ни его мнения, ни его способа изложения»¹²⁵. По всей видимости, профессора отвергли речь Миллера, поскольку вскоре после этого тот обратился к Разумовскому с просьбой назначить повторное рассмотрение своего сочине-

¹²¹ Цит. по: Пекарский П.П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова // Приложение к VIII т. записок Императорской академии наук № 7. СПб, 1865. С. 43.

¹²² Цит. по: Пекарский П.П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова // Приложение к VIII т. записок Императорской академии наук № 7. СПб, 1865. С. 25.

¹²³ «Г. президент приказал Миллеру четыре месяца тому назад приготовить речь для торжественного собрания, представив на его волю избрать какой угодно ему предмет» (Цит. по: Пекарский П.П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова // Приложение к VIII т. записок Императорской академии наук № 7. СПб, 1865, с. 46).

¹²⁴ Цит. по: Пекарский П.П. Дополнительные известия. С. 48.

¹²⁵ Цит. по: Пекарский П.П. Дополнительные известия. С. 49.

ния. 1 сентября 1749 года И.Г. Теплов, находившийся в Москве, переслал указ Разумовского о начале повторного рассмотрения.

Дискуссия резко обострилась после того, как торжественное собрание Академии наук было отменено. Шумахер в письме от 6 сентября сообщал: «Некоторые даже предполагали, что собрание отменено по представлению комиссара Крекшина, которого мнение против миллеровского о происхождении господ русских»¹²⁶. На следующий день он подтвердил, что все члены академии считают диссертацию Миллера причиной отмены собрания. Позднее, в 1750 году, Миллер в письме к президенту академии писал, что Шумахер в ходе обсуждения давал Крекшину читать его речь и доводил его суждения до сведения академиков¹²⁷.

Поскольку новое собрание было назначено на 27 ноября 1749 года, то Академия наук стала готовиться к новому заседанию и править речь Миллера. В письме от 11 сентября 1749 года Шумахер советует Теплову приказать каждому профессору давать личные мнения по поводу диссертации Миллера. Вот тогда Ломоносов написал свой первый репорт и отправил его в канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 года. Он прямо пишет в начале репорта о мотивах рецензирования: «Указом ея величества из Канцелярии Академии Наук велено сочиненную господином профессором Миллером речь о происхождении имен и народа российского мне рассмотреть, нет ли в ней чего России предосудительного...»¹²⁸

На основании репортов членов академии Шумахер составил свое мнение о диссертации Миллера, что видно по фразе из его письма от 16 сентября 1749 года: «С самого начала диссертация г. Миллера не имела чести мне понравится, но я не находил ее столь ошибочной, как описывали гг. профессоры и адъюнкты»¹²⁹. Это сыграло свою роль в административном разрешении спора. Именно в этом письме сочинение Миллера впервые именуется диссертацией, а не речью. Это был переломный момент. Дело с самого начала было политическим, ибо было связано с чествованием императрицы, но постепенно, под давлением интриг и склок внутри академии и вне ее, оно плавно перетекало из рассмотрения торжественной речи в рассмотрение исторического сочинения.

23 сентября 1749 года состоялось первое из 29 заседаний, посвященное детальному разбору диссертации Миллера. В этот день выступил Ломоносов, который предложил Миллеру читать свое сочинение и тут же обсуждать ее. Кроме этого, Ломоносов сразу же пообещал опровергнуть все построения Миллера и доказать происхождение русов от роксалан¹³⁰. Это мнение Ломоносов бесспорно взял из киевского «Синописа», который утверждает: «От тех же Сарматских и Славенороссийских... той же народ Российский изиде, а от него неци нарицахуся Россы, а иные Алане, а потом прозвашася Роксолане»¹³¹.

28 сентября канцелярия Академии наук приняла решение уничтожить уже отпечатанные экземпляры речи Миллера¹³². Уже переплетенные книги были расброшюрованы, а некоторые листы перенабраны и перепечатаны. В свет вышла только ода Ломоносова. Это, по всей видимости, является отражением решения отменить выступление Миллера и передать право на торжественную речь профессору Рихману. Вероятно, это мыслилось окончанием дела, однако 18 октября того же года Ломоносову пришлось указание канцелярии до 23-го числа составить

¹²⁶ Примечание Пекарского: «В эту версию событий верил и сам Миллер» (Цит. по: *Пекарский П.П.* Дополнительные известия. С. 49)

¹²⁷ *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 547.

¹²⁸ *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 19.

¹²⁹ Цит. по: *Пекарский П.П.* Дополнительные известия... С. 50.

¹³⁰ *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л.: ЛГУ, 1961. С. 224. Удивительно, что в Летописи жизни и творчества Ломоносова это заседание и это выступление не упомянуты, несмотря на то что есть, например, многочисленные указания о наблюдении им «грозовых явлений».

¹³¹ Синопис, или Краткое описание... СПб., 1762. С. 11.

¹³² Однако часть печатных экземпляров речи Миллера все же сохранилась, и один из них хранится в фондах Государственной публичной исторической библиотеки в Москве.

возражения на диссертацию Миллера, что им и было сделано. Это второй, более расширенный репорт, в котором Ломоносов подробно излагает свою позицию. Именно в нем впервые появились некоторые, позднее широко распространенные идеи и представления.

23 октября началось чтение возражений Ломоносова в Историческом собрании, которые продолжились 24, 26, 27, 30 октября и 3 ноября. Еще три дня, 6, 7 и 9 ноября, продолжалось уже обсуждение диссертации Миллера¹³³. После этого Ломоносов исхлопотал себе освобождение от участия в заседаниях и продолжал следить за ходом дискуссии дома. Значительная часть дебатов прошла без него. В декабре заседания были прерваны из-за болезни Миллера и возобновились уже в марте 1750 года – 1, 2, 5 и 6 марта, на которых Ломоносов присутствовал.

На этом спор вокруг диссертации завершился без особых последствий, однако чуть позже он подвергся административному взысканию. 20 июня 1750 года Миллер был уволен с поста ректора университета под предлогом скорейшего окончания сибирской истории, которая предусматривалась его контрактом историографа. Вместе с этим ему было вменено в обязанность читать ежедневные лекции по истории. Миллер попытался оправдаться тем, что ему необходима подготовка, но это его прошение осталось без последствий.

Ломоносов воспользовался ситуацией и написал 21 июня 1750 года третий рапорт о работе Миллера со своими окончательными выводами:

«Ибо 1) должно опасаться, чтобы не было соблазна православной российской церкви от того, что г-н Миллер полагает поселение славян на Днепре и в Новгороде после времен апостольских...

2) Из сего не воспоследовала бы некоторая критика на премудрое учреждение Петра Великого о кавалерском ордене Святого апостола Андрея Первозванного...

3) Происхождение первых великих князей от безымянных скандинавов... не токмо в такой речи быть недозволительно, но и всей России перед другими государствами предосудительно, а российским слушателям досадно и вельми несносно быть должно»¹³⁴.

Как видно, Ломоносов еще раз подчеркнул политические моменты, очень серьезные для того времени: сомнение в легенде о пришествии апостола Андрея на Днепре и в основаниях учрежденного Петром ордена Андрея Первозванного, выведение происхождения великих князей от «безымянных скандинавов». По всей видимости, этот репорт Ломоносова сыграл свою роль в дальнейшей судьбе Миллера.

8 октября 1750 года было внезапно созвано собрание в академии, на котором Миллеру были выдвинуты такие обвинения:

Остался в подозрении по переписке с Делилем.

Не поехал на Камчатку, а послал вместо себя Крашенинникова, а сам, притворяясь больным, как то известно было тогда, остался в Сибири. Уговорил Гмелина уехать на службу герцога Вюртембергского.

Сочинил диссертацию, разбор которой отнял время у академиков.

Называл в лицо графу Разумовскому Теплова клеветником и лжецом.

Членов академической канцелярии обвинял в пристрастии и несправедливости¹³⁵.

Вот по этим обвинениям Миллер и был разжалован в адъютанты с жалованьем в 360 рублей в год. Правда, в таком положении Миллер пробыл недолго, уже 21 февраля 1751 года он был указом Разумовского прощен и восстановлен в своем звании академика¹³⁶.

Вот эти события и считаются первым спором и варягах. Хотя в отличие от последующих двух дискуссий обсуждение работы Миллера шло в узком кругу членов Академии наук, тем

¹³³ Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова... С. 149–158.

¹³⁴ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 79.

¹³⁵ Пекарский П.П. История Императорской академии наук. С. 364.

¹³⁶ Пекарский П.П. История Императорской академии наук. С. 364–365.

не менее историографическое значение этого первого спора оказалось весьма велико. Именно в нем впервые появились идеи, которые потом надолго закрепились в русской историографии, и, в частности, появился норманизм, основные положения которого, впрочем, сформулировал вовсе не Миллер, а Ломоносов, представивший их в качестве позиции своего оппонента специально для удобства побивания.

Что Миллер утверждал?

В историографии прочно закрепилось мнение, что якобы Миллер выводил варягов из Швеции и доказывал идею создания Русского государства иностранными государями. Эта традиция настолько сильна, что полностью избавиться от ее влияния и рассматривать труд Миллера вне контекста его споров с Ломоносовым весьма тяжело. Миллеру всегда отказывали в праве считаться историком и всегда цитировали его сочинение мелкими отрывками, чему немало способствовала его труднодоступность. Единственное издание было сделано на латыни. Только в середине 2000-х годов был обнаружен чудом уцелевший экземпляр изначального издания на русском, который вскоре был переиздан¹³⁷. Сейчас мы можем изучать труд Миллера целиком и в этом находимся в гораздо лучшем положении, чем все предшествующие исследователи русской историографии.

Итак, что Миллер утверждал в своей работе «О происхождении имени и народа российского»?

Если посмотреть на нее непредвзятым взглядом, то она представляет собой первый научный труд о ранней истории Руси, основанный не только на широком круге письменных источников, трудов европейских историков, но и на их критическом анализе, причем невзирая на лица. К примеру, в начале работы Миллер критиковал Байера за то, что он считал Кия готским королем Книвой: «Ктому же и время царя Книвы от вышепоказанного времени князя Кия двумя почти стами годов разнствует, и потому сие мнение ни на чем иной не утверждается, как токмо на малом имян сходстве, которое в таком деле за доказательство принять не прилично»¹³⁸. Каждый источник, каждое сочинение Миллер оценивает с точки зрения достоверности и выдвигает аргументы, можно ли положиться на эти сведения.

На основе довольно обширного критического анализа доступных ему источников и исторических работ Миллер создал свою концепцию происхождения имени и народа российского. Ее можно сформулировать в следующих нескольких пунктах.

Пункт первый. Миллер не был автохтонистом. С точки зрения миллеровской концепции, скандинавское происхождение варягов не имело особого значения, поскольку и сами славяне были в России народом пришлым. Он об этом и пишет в начале разбора вопроса о том, какие народы в России поселились: «Из древних российских летописцев, которых довольно число имеем, известно, что россияне в сих землях за пришельцов почитаемы быть должны»¹³⁹.

Миллер сначала кратко говорит о чуди, то есть о финно-угорских народах, которые издревле жили, а потом указывает, что славяне пришли еще в римские времена от Дуная, к Днепру, где был построен Киев, и далее они распространялись к северу: «Оттуда идучи в верьх по реке Днепру для сыскания земель далее к северу простирающихся пришли на реки в Ильмен озеро впадающия, по которым влить им в низ было способно. Они в кратком времени и без великого труда могли принудить чухонцов к уступлению отчасу больше места, и следуя за ними по оставленным от побежденных землям яко победители создали знаменитой в прежния времена Новгород, может быть и другие российские города, в наипаче Смоленск и Чернигов, от сих пришельцов построены»¹⁴⁰. То есть славяне – это пришельцы, захватившие свою страну силой.

Затем, при рассмотрении Кия, упоминаются гунны и болгары, прошедшие к Дунаю и там воевавшие с греками, причем Миллер упоминает развалины Булгара недалеко от Казани

¹³⁷ Фокин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М.: Русская панорама, 2006.

¹³⁸ Миллер Г.Ф. Происхождение народа и имени российского... СПб., 1749. С. 17.

¹³⁹ Миллер Г.Ф. Происхождение народа и имени российского... СПб., 1749. С. 18.

¹⁴⁰ Миллер Г.Ф. Происхождение народа и имени российского... СПб., 1749. С. 18.

как памятник болгар до их переселения в Паннонию. Миллер обозначает некоторые побочные темы, касающиеся поднятого им вопроса, но в подробное их рассмотрение не сворачивает.

Пункт второй. Славянских государств в древности было больше одного. Потомки Кия, как пишет Миллер, владели обширной территорией между Днепром и Вислой, а также были и другие славянские владения: «А что киевляне тогда всеми местами между Днепром и Вислою владели, сие бесспорно. Ибо произшедшие от Леха польские князья больше в западных от Вислы местах, нежели к востоку владение свое распространить старались. Нестор сверх того пишет, что иное было княжение киевское, иное древлян, иное дреговичев, иное славян новгородских, иное полотчан, иное кривичев»¹⁴¹. Иными словами, Миллер, опираясь на русскую летопись, утверждал, что славяне задолго до появления варягов обосновались в России и создали по крайней мере шесть самостоятельных княжеств.

Миллер весьма тщательно читал летописи и сопоставлял их сведения с другими источниками, в силу чего, к примеру, отрицал славянское происхождение вятичей, полагая его финно-угорским народом, с которым славяне долго воевали: «Не почитать ли их за варварский народ, например за чувашей? Которые на мордовском языке называются вядке, либо за вотяков, которые жили сперва у Оки (что объявляется о вятичах), а после избегая нападения от россиян, пошли далее к востоку и по ним дано имя реке Вятке»¹⁴². В этой цитате видно, что Миллер проводил прямое сопоставление летописных сведений с этнографическими и лингвистическими материалами за много десятилетий до того, как этот прием стал распространенным в русской историографии.

Пункт третий, который вызвал больше всего возражений. Миллер считал, что скандинавы жили в России и дали ей своих царей: «Объявим еще и о другом народе, от которого Россия не токмо жителями населена, но и Царя и имя свое получила. Оный народ хотя в начале языком и житием от славян весьма разнствовал, но столь тесно потом с ними соединился, что уже тому много веков прошло, как их между собой различать не можно было»¹⁴³. Он указывает, что скандинавы покорили курляндское, лифляндское и эстляндское побережье, то есть Прибалтику, взяли дань с новгородцев, поставили им царей, а дальше поехали в Киев и в Грецию. «И хотя их наконец из России выгнали, однако в таком почтении были, что новгородцы призывали их назад торжественным образом для принятия над ними и над соседственными народами владения»¹⁴⁴.

Эти скандинавы были летописными варягами: «Без сомнения, почтеннейшие слушатели, признавать в их следует, Варягов ваших, о которых в летописях и во всех российских историях упоминается: и хотя известно, что тем именем никакой в Скандинавии народ особливо не назывался, однако сие можно доподлинно доказать, что они ни из какой другой страны выехали, как из Скандинавии»¹⁴⁵.

Миллер категорически отвергал славянское происхождение варягов, причем специально опровергал именно киевский «Синописис»: «Причисление Варягов к Славянам, по моему мнению, одним словом, опровергнуто быть может. В летописи Киевской и во всех других достоверных Российских историях не писано ничего о роде Варягов. Откуда же сочинитель Синописиса взял свои о том известия? Он догадками домышлялся, приписывая без оснований предкам язык, которым ныне говорят потомки. Для чего лучше не принял он в рассуждение варяжских имен великих князей и других начальников, которые в наших летописях упоминаются? Име-

¹⁴¹ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 19.

¹⁴² Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 20.

¹⁴³ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 20.

¹⁴⁴ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 20.

¹⁴⁵ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 20.

ется ли в них какое сходство с славенским языком? И кто покажет нам переселение славян с севера в Россию?»¹⁴⁶

После этого Миллер делает большой обзор сведений, касающихся России, извлеченных из источников и исторических работ, указывая, впрочем, что имеется в виду не государство, а страна в чисто географическом смысле: «Ибо мы сами имя России употребляем о первейших временах, когда об оном еще не знали, не для того, чтоб кто заключал, что и тогда было уже оно в употреблении, но для лучшего выражения о каких землях мы говорим»¹⁴⁷.

Из этого вытекал у него пункт четвертый. Скандинавы ходили походами в российские земли еще до появления там славян, еще в те времена, когда ими владели гунны.

Пункт пятый. Миллер указывал, что ряд городов, упомянутых в скандинавских источниках, не связан с древнерусскими городами. Так, он пишет, что Кенугардия, скорее всего, обозначает не Киев, а другой город, лежавший в Финляндии, рядом со скандинавскими владениями. То же и Алдейгиабург, который считали Старой Ладогой и в те давние времена, в том числе так писал Улоф Рудбек-старший в своей «Атлантике». Но Миллер не соглашался, указывая, что город этот был приморским, там строили корабли и он должен был быть где-нибудь в Прибалтике.

Пункт шестой. Миллер считал, что хотя скандинавы часто приходили в Россию и часто владели землями, тем не менее новгородцы их выгнали и перестали им платить дань, но при этом изгнание касалось только знати, а не простого люда, а также утверждал, что скандинавов выгнали только на севере, тогда как в Киеве они продолжали править, и связывал посольство к византийскому императору Феофилу от народа «росс» с киевскими скандинавами. То есть и варяжских владений на Руси было больше одного.

Наконец, пункт седьмой. Название России произошло от скандинавов, в подтверждение чего Миллер ссылается на летопись, на степенные книги и Житие княгини Ольги: «Но дабы не показалось, будто я происхождение российского имени утвердить намерен на одних чужестранных писателей и народов свидетельствах, то приведу здесь, почтеннейшие слушатели, точные слова из Несторовой летописи, в которой о великом князе Рюрике с братьями написано тако: от тех варягов находников прозвашася Русь и оттоле слово Русская земля, иже суть новгородстии люди, и до нынешняго дня, прежде бо нарицахуся словяне, а ныне Русь и от тех варяг прозвашася, сие бо варяги прозвашася русью. Также и в степенных книгах в житие святыя великия княгини Ольги имянно написано от варяг бо русью прозвахомся. По моему рассуждению требовать не можно яснейшаго о том доказательства, что имя россиян ужь по прибытии варягов в России зачалось, и от оных и прочим жителям, то есть славянам, досталось»¹⁴⁸. Он также указал, что само происхождение слова «росс» финское, славяне его услышали от финнов и приняли его, будучи под властью варягов: «А потом и сами славяне будучи под владением варягов имя россиян приняли, подобным почти образом как галлы франками, и британцы агличанами именованы»¹⁴⁹.

Итак, вот семь пунктов концепции Миллера о начале русской истории. В ней больше всего обращает на себя внимание сложность обрисованного исторического процесса, в котором участвовали финно-угры, славяне и скандинавы (Миллер специально подчеркивал, что не только шведы), появилось несколько государственных образований (как минимум шесть славянских и два варяжских владения), из которых киевскому варяжскому владению удалось постепенно взять верх и создать государство, известное под названием Русь.

¹⁴⁶ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 20.

¹⁴⁷ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 25.

¹⁴⁸ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 46.

¹⁴⁹ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 47.

Работа Миллера «О происхождении имени и народа российского» – это первая в русской историографии чисто научная историческая работа, полностью порвавшая с живой, еще в то время летописной традицией, стоявшая на основе привлечения широкого круга письменных источников и их критического анализа. Однако она была отвергнута и подверглась обструкции вовсе не за это.

Происхождение норманизма

Главный недостаток с политической точки зрения работы Миллера состоял в том, что она совершенно не вписывалась в рамки русского исторического нарратива, уже оформленного киевским «Синописом», и не давала никаких аргументов в пользу древности, исконности и славности славян. Напротив даже, Миллер отрицал автохтонность славян в России и показывал их пришельцами и завоевателями. К славе Миллер тоже ничего не добавлял, поскольку в его работе главными деятелями истории оказывались гунны и скандинавы, долго оспаривавшие между собой Прибалтику и Русь. Победа осталась за скандинавами, а славяне просто ассимилировали победителей, за счет своего превосходства в числе и за счет того, что богослужебный язык был славянский, стало быть, и скандинавам, жившим на Руси, его приходилось осваивать, чтобы ходить на церковные службы.

В общем, Миллер с задачей придворного историографа явно не справился и ничего к русскому историческому нарративу не добавил. Он не только не создал древней и славной истории славян, которая от него требовалась в составлении торжественной речи, но и сильно пошатнул своей научной критикой источников и сочинений ее основы, изложенные в киевском «Синописе».

Киевский «Синопис» он критиковал несколько раз. Поставив ссылку на это сочинение, Миллер отвергает мнение о названии Москвы от Мосхов: «...только они всеконечно своим мнением ошиблись, ибо одних имен согласие без других подлиннейших свидетельств, к доказательству о происхождении народов никак не довольно... В России Мосхов и следу нет, да и имя Москва прежде создания города никогда в славе не было»¹⁵⁰. Так же отвергал Миллер мнение киевского «Синописа» о происхождении русов от роксалан: «Но к доказательству происхождения России от Роксолан, не довольно одно имен сходство, не довольно и того, что в первые после Рождества Христова веках Роксоланский народ в Российских жил пределах; надлежит паче то показать, как Роксоланское имя в Российское переменялось»¹⁵¹. Но самый острый выпад в адрес «Синописа» был у Миллера в части, повествующей о происхождении варягов: «Причисление Варягов к Славянам по моему мнению, одним словом, опровергнуто быть может. В летописи Киевской и во всех других достоверных Российских историях не писано ничего о роде Варягов. Откуда же сочинитель Синописа взял свои о том известия? Он догадками домыслился, приписывая без оснований предкам язык, которым ныне говорят потомки»¹⁵². В этом месте Миллер дал совершенно четкую характеристику этому сочинению как недостоверному и основанному на домыслах.

Вообще, трудно сказать, почему Миллер, к моменту составления своей речи уже много лет состоявший на русской службе и даже перешедший в русское подданство, написал именно такую работу. Конкретных сведений, показывающих мотивы выбора такого критического направления работы, по всей видимости, не осталось. Можно лишь предположить, что Миллер считал, что от него требуется создание качественной исторической работы, которая бы полностью соответствовала принципам распространенной в европейских университетах критической школы и потому могла быть принятой и высоко оцененной европейскими, прежде всего немецкими, историками. Думал ли он о политической подоплеке своей работы, определенно сказать нельзя.

Его оппоненты, и в первую очередь Ломоносов, зашли именно с политической стороны, стараясь показать, что Миллер стремился умалить славу Российского государства и показать

¹⁵⁰ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 7.

¹⁵¹ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 9.

¹⁵² Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 22.

ее страной, завоеванной скандинавами. Ломоносов писал в своих замечаниях на работу Миллера: «Правда, что господин Миллер говорит: «Прадеды ваши от славных дел назывались славянами», по сему во всей своей диссертации противное показать старается, что не всякой почти страны русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют, гунны Кия берут с собой на войну в неволю»¹⁵³.

Ломоносов во втором репорте на диссертацию Миллера от 23 октября 1749 года также писал: «Полагает господин Миллер, что варяги, из которых был Рурик с братьями, не были колена и языка словенского, как о том автор Синописа Киевского объявляет, **но хочет доказать, что они были скандинавы, то есть шведы**»¹⁵⁴. Хотя из работы Миллера нигде не следовало, что варяги были именно шведами, тем не менее это было самое сильное обвинение в адрес Миллера, поскольку противоречия между Россией и Швецией были еще живы и сильно, недавно закончилась русско-шведская война за пересмотр Ништадтского мира, бывшая для шведов неудачной. Это утверждение Ломоносова звучало как обвинение в том, что Миллер работает в интересах Швеции и обосновывает шведские политические претензии к России. Это мнение, видимо, разделял не только Ломоносов, но и другие академики, а также, видимо, и президент Академии наук, поскольку Ломоносов в своем первом репорте от 16 сентября 1749 года довольно откровенно пишет о мотивах рецензирования: «Указом ея величества из Канцелярии Академии Наук велено сочиненную господином профессором Миллером речь о происхождении имен и народа российского мне рассмотреть, нет ли в ней чего России предосудительного...»¹⁵⁵ И в выводе второго репорта о диссертации Миллера Ломоносов еще раз подчеркнул эти чисто политические подозрения: «Присем отдаю на рассуждение знающим политику, не предосудительно ли славе российского народа будет, ежели его происхождение и имя положить столь поздно, а откинуть старинное, в чем другие народы себе чести и славы ищут. При том также искуснейшим на рассуждение отдаю, что ежели положить, что Рурик и его потомки, владевшие Россией, были шведского рода, то не будут ли из этого выводиться какого опасного следствия»¹⁵⁶.

Итак, подозрение в том, что Миллер обосновывает шведские политические претензии к России было первым основанием для разбора его работы. Вторым основанием послужило стремление Ломоносова защитить от критики киевский «Синописис» и идею древнего происхождения славян.

Еще в первом репорте от 16 сентября 1749 года он писал: «Что славенский народ был в нынешних российских пределах еще прежде Рождества Христова, то неоспоримо доказать можно», а также: «Варягов не почитает господин Миллер за народ славенский, однако, что они происходили от роксалан, народа славенского, и прошли с готфами, славянами ж, от Черного моря к берегам Балтийским... сие все из самой сей диссертации заключить, а из других оснований весьма довольно доказать можно»¹⁵⁷. Ломоносов утверждал, что перемена имени роксолане на россияне весьма невелика, и подчеркивал: «И Христофор Целларий примечает, что сие слово может быть составлено из двух – россы и аланы, о чем и Киевского Синописа автор упоминает, из чего видно, что был в древние времена между реками Днепром и Доном народ, называемый россы»¹⁵⁸. На требование Миллера показать, как славяне переместились к северу, Ломоносов отвечал: «...сие требование господина Миллера излишно, и к показанию роксалан в севере близ славян новгородских не надобно их приводит от полудни: ибо ясно

¹⁵³ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 21. Фраза о Кие в ответе Ломоносова также навеяна соответствующим местом из киевского «Синописа», в котором утверждалась, что Кий помогал гуннам добровольно.

¹⁵⁴ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 30.

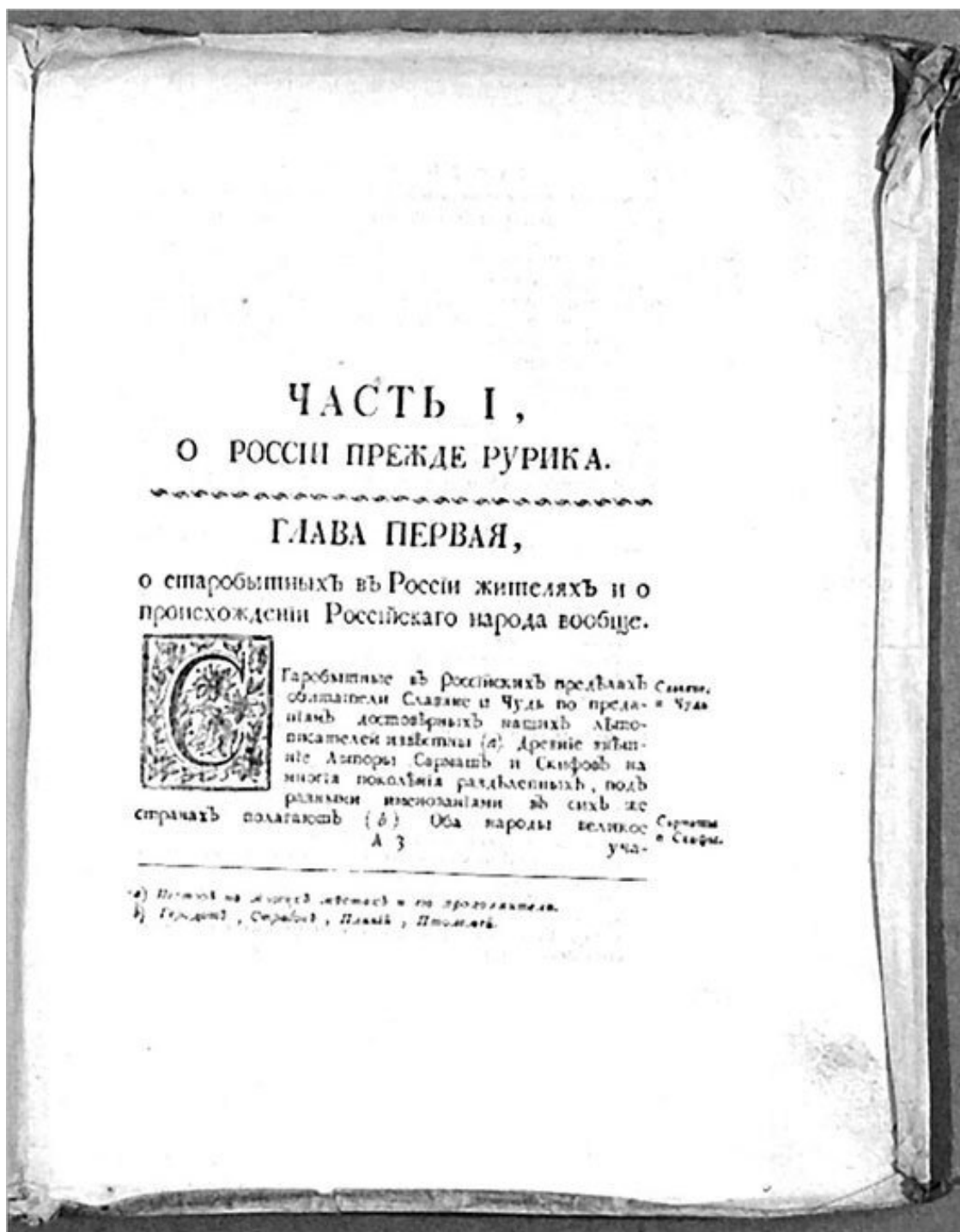
¹⁵⁵ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 19.

¹⁵⁶ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 41.

¹⁵⁷ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 22.

¹⁵⁸ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 26.

доказать можно, что Роксаланская земля в древние времена простиралась от Черного моря до Варяжского и до Ильмень-озера...»¹⁵⁹

Первый лист «Древней Российской истории» Ломоносова. Издание 1758 года

Это представление о славной российской истории Ломоносов позднее закрепил в своей работе «Древняя Российская история»: «Сравнив тогдашнее состояние могущества и величества Славенского с нынешним, едва чувствительное нахожу в нем приращение... Того ради без

¹⁵⁹ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 26. По всей видимости, мы имеем дело с неким прообразом теории возникновения обширного Древнерусского государства, выдвинутой Ломоносовым.

сомнения заключить можно, что величество Славенских народов, вообще считая, стоит близ тысячи лет почти на одной мере»¹⁶⁰. В ней же Ломоносов записал в славянские двенадцать народов, которые встречаются у древних авторов: венеды, енеты, сарматы, мидяне, амазоны, пафлагоны, илирийцы, аланы, роксаланы, россы, болгары, пруссы. Хотел еще записать мосхов, да засомневался, видимо, не найдя аргументов против критики Миллера.

Но все же чисто научных аргументов у Ломоносова было слишком мало. Пообещав еще на первом собрании, 23 сентября, опровергнуть все утверждения Миллера и доказать происхождение русов от роксалан, Ломоносов попал в затруднительное положение. Доказать такое было нельзя, ибо большинство писателей, на которых потом ссылался Миллер в ответах, указывали, что роксаланы были вандалским племенем, то есть германским. Но и отступать ему тоже было нельзя. Тогда Ломоносов пошел на подлог взглядов Миллера. Он приписывал не принадлежащие ему взгляды и опровергал их, основываясь на авторитете киевского «Синописа».

Таким образом и появился норманизм, представляющий собой свод взглядов, приписанных Миллеру. В ломоносовской редакции, изложенной во втором репорте от 23 октября 1749 года, он заключался в следующих пунктах:

1. Варяги – это шведы.
2. Слово «росс» происходит из шведского или финского языка, принесено варягами-шведами и навязано как название русского народа.
3. Варяги захватили Новгородчину, постоянно побеждали и грабили славян, в чем выразилось превосходство шведов над славянами.
4. Варяги создали Русское государство и основали династию Рюриковичей, которая была шведской династией, в чем выразилась неспособность славян к созданию своего государства.

Хотя само слово «норманизм» появилось в историографии позднее, тем не менее уже в репорте Ломоносова он виден ясно и отчетливо как обозначение оппонентов, соглашающихся с тем, что Русское государство создали шведы, силой завоевавшие славян и навязавшие им свое правление.

Вот эти взгляды легко было критиковать Ломоносову со своих позиций, которые заключались в следующих пунктах:

1. Варяги – это только славяне.
2. Славянская земля простиралась по всей территории России, и приглашение Рюрика означало призвание князя из одной славянской земли другой славянской же землей.
3. Никаких войн новгородцев с варягами не было.
4. Название «росс» происходит от названия роксалан, россов, из которых был Рюрик.
5. Славяне с древности обладали гегемонией в Восточной Европе, что свидетельствует о славе и достоинстве славян.

Ломоносов, таким образом, задал основные координаты долгого спора. В этих пунктах довольно явно и отчетливо видны основные принципы антинорманизма, которые сравнительно немного изменились за 250 лет спора о варягах.

В этом споре научный, критический подход был отброшен в сторону, и отброшен впервые именно Ломоносовым. Его самые сильные аргументы происходили из политической сферы и состояли в двух словах в том, что нельзя считать славян молодым и пришлым народом и что нельзя допускать ни скандинавское происхождение варягов, ни варяжские завоевания на Руси. Считать так должно быть запрещено, чтобы из подобной истории не выводилось каких-либо негативных политических последствий вроде того, что Россия должна быть под шведским скипетром.

¹⁶⁰ Ломоносов М.В. Древняя Российская история. СПб., 1766. С. 8–9.

Вызов Герхарда Фридриха Миллера. русскому историческому нарративу

В общем, труд Миллера в первом споре о варягах оценивался с точки зрения русского исторического нарратива и действительно ему не подходил совершенно, что и послужило причиной остракизма в отношении Миллера и его работы.

Во-первых, русский исторический нарратив, и в летописях, и в киевском «Синописе», и в во всех последующих работах, утверждал простую и прямолинейную концепцию русской истории: древние и великие славяне создали издревле большое и мощное государство, в котором правила, по существу, одна династия, если принимать во внимание определенное родство Романовых с Рюриковичами. Русская земля, русский народ, православие и правящая династия были в такой тесной связи между собой, что часто выступали как выражения одного и того же понятия, четко не формулируемого, но явно ощущаемого, обычно называемого русским патриотизмом.

С этой стороны русский национальный нарратив имел неоспоримое преимущество – он был прост и понятен, легко доводился до ума и сердца любого русского. Концепция Миллера не могла с ним конкурировать в этой сфере педагогической назидательности хотя бы потому, что была сложна. В ней Русское государство сложилось из разных компонентов, с участием нескольких различных народов, не очень понятным образом. Для полного его понимания требовался довольно высокий уровень начитанности и эрудиции. По этой причине концепция Миллера имела объективные ограничения в распространении и не могла стать ядром широкого исторического образования.

Во-вторых, русский исторический нарратив настаивал на том, что государство Русское всегда было только и исключительно одно – то самое, созданное Рюриком и его потомками. Русь-Россия была только одна и существовала непрерывно от основания и до наших дней. Любые разногласия, раздраз и внутренняя борьба, такие как период раздробленности или Смутное время, получали в рамках нарратива сугубо негативное значение. Из русского исторического нарратива, несмотря на постоянные отсылки к славянским древностям, также совершенно выпали западные славяне, в первую очередь чехи и поляки, создавшие свои государства, а также со временем принявшие католичество.

Это обстоятельство, конечно, имело свои основания. Сама по себе идея одного-единственного за всю историю Русского государства имела огромный политический потенциал по части утверждения национального единства и в этом смысле наилучшим образом соответствовала главной задаче любого национализма – создать и укрепить воображаемое сообщество нации. Русский нарратив рисовал поражающую воображение картину национального единства с глубокой древности. Концепция же Миллера к этой задаче совершенно не годилась, поскольку в ней утверждалось, что славянских государств на территории России было несколько и только одно из них со временем приобрело гегемонию и создало историческую Русь. Сразу возникало и не могло не возникать множество вопросов и сомнений вроде того, почему гегемоном стало это государство, а не другое, а почему не Польша или какое другое славянское государство. На сомнениях и вопросах воображаемое сообщество не построить.

В-третьих, из этого же тезиса вытекало категорическое неприятие русским национальным нарративом мысли о том, что русской землей когда-нибудь могло владеть другое государство или какой-то другой народ. Нарратив, как было сказано выше, обосновывает исключительные политические права нации на владение и распоряжение какой-то территорией, в нашем случае огромной и чрезвычайно богатой. Так что конкуренты, пусть даже и в давней истории, русскому нарративу были ни к чему. Другие народы могли быть в России, но только на правах добровольно признавших русскую власть, и никак иначе.

Миллер же, напротив, утверждал, что русской землей владели до славян и финны, и гунны, и скандинавы, что, конечно, также не могло не порождать сомнений и вопросов, объективно подрывающих воображаемое сообщество русской нации и, самое главное, ее суверенные политические права на территорию.

Принятие концепции Миллера было бы событием с далекоидущими политическими последствиями. Изменение взгляда на историю привело бы к полной перестройке и национального мировоззрения, и государственного устройства с труднопредсказуемым итогом. Для подобного понимания истории требовались все же некоторые политические основания. Концепция Миллера о призвании скандинавских варягов и их последующем растворении среди славян могла бы получить признание, скажем, если бы в 1809 году Россия захватила бы не только Финляндию, но и всю Швецию целиком. Но таких оснований не было, не появились они и впоследствии.

Так что нужно подчеркнуть, что политические мотивы, ярко проявившиеся уже в первом споре о варягах, были весьма и весьма вескими. Победа русского национального нарратива, сформулированного тогда киевским «Синописом», имела свои причины. Это была именно победа национального исторического нарратива, теснейшим образом связанного с государством, его существованием и суверенитетом, а вовсе не победа одного гениального Ломоносова над «немецким засильем».

Правда, нужно отметить еще два обстоятельства. Во-первых, победа нарратива была куплена довольно дорогой ценой отказа от научного подхода в истории, что стало потом одной из особенностей русской историографии. Научные аргументы допускались в той степени, в какой они не могли повредить нарративу, как-то подрубить или повредить его основные опорные столпы. Это сильно замедляло и затрудняло развитие русской исторической науки, поскольку за каждую сферу применения научной методологии приходилось вести нелегкую борьбу, поскольку дамокловым мечом над такими работами висело ломоносовское «...нет ли в ней чего России предосудительного».

Во-вторых, как бы там ни было, а Миллер нащупал главное уязвимое звено всего русского исторического нарратива – призвание варягов. Это настоящая ахиллесова пята в нем, в целом весьма удачно скроенном и крепко пошитом, потенциально способная подорвать всю его конструкцию, ибо если допустить, что варяги были шведы, насильно навязавшие свою власть или же пришедшие править по приглашению, то от этого допущения рушатся основные опорные столпы национального мировоззрения.

Причем возникла непростая и очень напряженная ситуация: одного лишь отказа от научного метода для защиты этой ахиллесовой пяты недостаточно. У любого национального нарратива есть также своего рода экспортное применение, то есть он должен в определенной степени, целиком или частично, признаваться и в других странах. Если же просто провозгласить, что варяги – это славяне и никаких шведов в Руси от Черного моря до Балтийского никогда не было, не утруждая себя доказательствами и ссылками на письменные источники, то этот вариант в Европе принят не будет с вытекающими политическими последствиями. Далее, просто отгородиться от Европы и ее исторической науки также не получится, поскольку с европейскими странами были и остаются интенсивные политические и экономические связи, многие русские учились и учатся в европейских университетах. Таким образом, всегда существуют каналы, через которые европейцы могут «смущать умы» русских людей явным несоответствием свидетельств письменных источников с утверждениями из «Синописа» или какой другой работы. Из этого также вытекает и «чего России предосудительного», и различные политическими последствия.

Миллер, таким образом, бросил вызов русскому историческому нарративу, заставив его сторонников заняться интенсивной работой на тему того, каким образом создать научные

основания для славянства призванных варягов. Сам Миллер пал в неравной борьбе, но его знамя вскоре было поднято другими исследователями, охочими до смущения русских умов.

Глава четвертая. Борьба за историю

Несмотря на то что первый спор о варягах кончился победой Ломоносова, правда, достигнутой не сколько научными, сколько административными способами, исчезновение идей, «для России предосудительных», не произошло. Поскольку сам спор был непубличным, он почти совершенно не отразился в исторической публицистике и остался лишь в документах Академии наук, которые стали доступны исследователям много десятилетий спустя, можно было ожидать, что концепция Миллера будет совершенно забыта. Тем не менее по прошествии нескольких десятилетий спор о варягах возобновился с новой силой.

В работах по историографии причины такого странного положения дел почти не получили объяснения, если только не считать ссылок на злоумышляющих немцев, которые постоянно писали что-то оскорбительное для русской истории, и из немецкой литературы эти крамольные идеи переходили в русскую историческую литературу. Доля истины, впрочем, в этом утверждении есть. Действительно, немецкие историки сделали серьезный вклад в разработку вопроса в конце XVIII и начале XIX века, их труды в России читали, переводили на русский и издавали. Но этого все же недостаточно, чтобы объяснить, почему снова вопрос о варягах стал остродискуссионным.

Тому было несколько причин. Во-первых, Ломоносов, несмотря на свою победу в споре с Миллером, своего успеха развить не смог и ничего существенного в русский исторический нарратив добавить не сумел. Во-вторых, Миллер своими публикациями не только «прорубил окно» для европейских историков в русскую историю, но и впоследствии познакомил их со своими аргументами, выпустив свою работу, разгромленную в 1749 году, на латинском языке. В-третьих, Миллер поддерживал интерес к русской истории у других историков, помогал им, и именно из последователей Миллера вышел столь удачливый историк и исследователь Нестора, как Август Людвиг Шлецер, который сыграл в дальнейшем развитии спора о варягах исключительную роль.

Неудача Ломоносова

Вопреки распространенному представлению, Ломоносов после завершения первого спора о варягах не сделал никакого вклада в исследование самого вопроса о происхождении варягов. Его позиция сформировалась в ходе дискуссии, он ее считал совершенно правильной и обоснованной. Добившись административной победы над Миллером, Ломоносов сразу занялся упрочением достигнутого доминирования в гуманитарных науках.

Ломоносов искренне считал, что только благодаря его работам в России развивается наука, причем как в естественно-научных сферах, так и в поэзии, красноречии, грамматике русского языка и русской истории. Об этом он неоднократно заявлял и писал в самых разнообразных репортажах и письмах. К моменту начала активных работ по русской истории Ломоносов уже считался большим авторитетом в поэзии и красноречии. В январе 1747 года вышло в свет его «Краткое руководство к красноречию», в марте 1751 года – его же «Собрание сочинений в стихах и прозе»¹⁶¹. Кроме того, в марте 1751 года Ломоносов был произведен в коллежские советники (6-й класс по Табели о рангах, что давало Ломоносову потомственное дворянство), что было для него, человека незнатного происхождения, серьезным продвижением в государственной иерархии.

Причем, по всей видимости, высокое о себе мнение Ломоносова было следствием большой популярности Ломоносова как придворного поэта. Шлецер оставил любопытные наблюдения и размышления об этом обстоятельстве: «Благодарное отечество наградило его: его клиенты, которые пользовались его положением для своего преуспевания, боготворили его и пели: «Вергилий и Цицерон, соединенный в холмогорце». Это испортило его. Его тщеславие превращалось в варварскую гордость, которая всем, особенно его подчиненным, сделалась особенно невыносимой. Это высокое о себе мнение увлекало его к занятиям самыми разнородными предметами»¹⁶². Шлецер полагал, что к занятиям историей Ломоносова толкнуло именно это тщеславие и высокое мнение о себе, хотя он был совершенно не готов к такого рода работе: «Как мог он, зная в совершенстве только свой язык, взяться, не говоря, за новую русскую историю, но за хроники XI столетия, он, которому была совершенно чужда иностранная историческая литература и который даже по имени не знал исторической критики»¹⁶³.

В 1751 году Ломоносов начал готовиться к составлению сводного труда по русской истории. Сведения о том, как он работал, сохранились в его записках, адресованных им в канцелярию Академии наук. Согласно этой записке, его работа началась в 1751 году с чтения Нестора, законов Ярослава, Большого летописца, «Истории Российской» Татищева первого тома (речь идет, по всей видимости, о первом варианте книги Татищева, представляющего собой летописный свод¹⁶⁴), книг Кромера, Гельмольда¹⁶⁵, Арнольда, из которых он сделал 15 листов выписок¹⁶⁶. Следующий год работы Ломоносов посвятил чтению иностранных источников: Претория, Иордана, Прокопия, Павла Диакона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и

¹⁶¹ Михайло Ломоносов. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. Стихи и проза о нем. М.: Современник, 1989. С. 12.

¹⁶² Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 года. Известия о тогдашней русской литературе. СПб., 1875. С. 200.

¹⁶³ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 года. Известия о тогдашней русской литературе. СПб., 1875. С. 200.

¹⁶⁴ Мачинский Д.А. Вновь открытые источники по истории Руси IX–XII вв. // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 года. СПб.: Нестор-История, 2003.

¹⁶⁵ Обе книги были переведены на русский в 1736–1737 гг., переводы в Академию наук пересылал В.Н. Татищев (Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.-Л.: АН СССР, 1962. С. 19).

¹⁶⁶ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 573.

других, из которых он сделал выписки на 5 листах. В 1752 году работа у него была еще меньше по объему и еще более неспешная, чем в прошлом. Наконец, Ломоносов, очевидно, понял, что его познаний в русской истории для составления «Древней Российской истории» недостаточно, и потому в 1753 году он вовсе бросил делать выписки и читал летописи, которые имелись в библиотеке академии, без выписок¹⁶⁷.

Последующие два года у него ушли на составление «опыта истории славянских народов до Рурика» и на описание князей¹⁶⁸. По всей видимости, описание князей представляло собой составление их родословной, с краткими пометами относительно того, кто и чем из них прославился в русской истории, то есть кратчайшие выжимки из летописей. Эта работа Ломоносова вышла в 1760 году под названием «Краткий Российский летописец».

¹⁶⁷ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 573.

¹⁶⁸ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 574.

КРАТКОЙ
РОССИЙСКОЙ
ЛѢТОПИСЕЦЪ
съ
РОДОСЛОВІЕМЪ.

Сочиненіе
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академии Наукъ
1760 года.

Титульный лист «Краткого Российского летописца». 1760 год

На это указывает тот факт, что в 1756 году, когда Ломоносов принялся за составление уже более подробной русской истории, работа у него застопорилась. Как он пишет в записке о своей научной деятельности за 1756 года, «в истории собраны мою в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходства в деяниях русских»¹⁶⁹. Насколько можно понять этот рапорт, Ломоносов собрал разные списки русских летописей и начал их сличать между собой, чтобы составить наиболее полное и достоверное описание истории русских князей. Но в начале следующего года, 12 марта 1757 года, Ломоносов пишет в канцелярию Академии наук записку следующего содержания: «Но как сие дело требует чтения весьма многих разных книг с выписками, то вовсе одному мне сего исправить и к концу привести невозможно»¹⁷⁰.

Иными словами, как только Ломоносов засел за изучение русских летописей, их сопоставление и проверку сведений, тут то и оказалось, что работа эта ему непосильна. Он потребовал себе помощника, и ему был выделен студент С. Введенский, который помогал с выписками. Но, очевидно, столкнувшись с тем, что разработка русской истории требует огромных затрат времени и сил, Ломоносов охладел к этим занятиям, переложив завершение начатых трудов «Краткого Российского летописца» и «Древней Российской истории» на плечи своих помощников. В документах и записках Ломоносова после 1757 года не встречается никаких упоминаний о том, что он продолжал активно заниматься историческими исследованиями. Ломоносов перед русской историей спасовал. Это неудивительно в свете того, что в те времена русская история была практически неразработанной с научной точки зрения, что, к примеру, хорошо понимал Миллер: «История Российского государства и принадлежащих к нему стран представляет столько трудностей, что написать о ней систематическое исследование едва ли можно надеяться в двадцать и даже более лет»¹⁷¹.

Через год, 22 июля 1758 года, Ломоносов сдал в печать первую часть своей работы – «Древней Российской истории». Чуть меньше года она пролежала в типографии, откуда 8 марта 1759 года Ломоносов ее забрал для доработки. Но второй части так и не появилось. Уже после смерти Ломоносова из его архива взяли рукопись, содержащую только первую часть работы, и, не найдя продолжения, издали ее¹⁷².

Несмотря на то что этот вывод с очевидностью следует из документов, описывающих эту сторону деятельности Ломоносова, такого вывода нельзя найти ни в одной биографии и ни в одном исследовании творчества Ломоносова. Признать факт, что в 1757 году Ломоносов бросил занятия русской историей из-за того, что понял, с каким огромным материалом ему предстоит работать, означает признать несостоятельность оценки Ломоносова как выдающегося историка.

Впрочем, бросив разработку по русской истории, Ломоносов не перестал считаться выдающимся специалистом по ней, а его достижения признавались значительными. На это у него были определенные основания, ибо вышедший в 1760 году «Краткий Российский летописец» заметил авторитетнейшей в те времена журнал «Göttingische Anzeigen von gelehrter Sachen», давший в 108-м выпуске от 8 сентября 1760 года рецензию на этот труд. Правда, рецензия не была особо благосклонной к Ломоносову. Автор весьма скуп похвалил его за работы в русской истории и отметил: «Из-за недостатка в надлежащих исторических источниках он пользуется здесь именами и историей слов, и мы должны заметить, что г-н Ломоносов еще больше, чем другие писатели, позволяет себе произвольные предположения и недоказанные домыслы»¹⁷³.

¹⁶⁹ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 575.

¹⁷⁰ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 575.

¹⁷¹ Цит. по: Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической публицистике XVIII века. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск: Издательство ТГУ, 1988. С. 65.

¹⁷² Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л.: Издательство ЛГУ, 1965. С. 179.

¹⁷³ Göttingische Anzeigen von gelehrter Sachen. 1760, st. 108 (8 Sept.). S. 938. Кстати, это еще одно доказательство того, что

При этом нужно отметить, что в исторических работах Ломоносова без труда видно влияние Миллера, если даже не прямое заимствование из его запрещенной и уничтоженной речи, экземпляр которой у Ломоносова, конечно же, имелся. Это влияние видно в том, что и Ломоносов теперь уже представлял славян в России пришлым народом, хоть и очень великим и славным, а прежде них жила чужд, то есть финно-угорские народы. Его прежняя концепция, высказанная в ходе первого спора о варягах, была другой: народы, в древности населявшие Россию, были славянскими.

В отношении варягов Ломоносов в целом также пошел вслед за Миллером, отмечая, что это слово было северного происхождения и обозначало выходцев из разных народов: «И Перинскольд, переводя на русский язык Стурлезонову историю о королях северных, называет варягов по большей части так же, как по-истландски, варингами, или по-латине северными солдатами; из чего уже следует, что они не были только одни шведы, как некоторые думают, ибо в сем случае употребил бы историк конче собственное их имя, а особливо, описывая их дела под предводительством королей шведских, именовал бы их хотя бы в одном месте шведами, чего однако нигде не видно»¹⁷⁴.

Но при этом его очень смущало отнесение к скандинавам «россов», и вот тут Ломоносов, опираясь на летопись, выдвинул тезис, который и до сих пор разделяется многими антинорманистами: были варяги-россы, которые жили не в Скандинавии, а на южном берегу Балтийского моря, на территории современной Пруссии и Литвы. Так, в предисловии к «Краткому Российскому летописцу» Ломоносов пишет: «Потом варяги, жившие по берегам Балтийского моря, которые именовались россы, готы, норманы, свия, ингряне, имея со славянами частые войны, купечества и путешествуя в Грецию через здешние земли, во многих местах поселились. Наконец, пришед с избранными на княжение Руриком варяги россы в знатном множестве, не токмо пребывание, но и самодержавную власть утвердили: и посему с варягами сии соединенные славяне обще проименовались россами»¹⁷⁵. Но далее он пишет: «Варяги россы в древние времена именовались роксоланами и россоланами, для того, что россы были соединены с аланами. Преселились из Азии северною стороною с сарматами, и от старинных писателей с ними однородцами почитаются»¹⁷⁶. Название «россы» Ломоносов выводил от реки Русы, где «варяги россы» поселились вместе с другими славянами. В «Древней Российской истории» этому происхождению названия дается разъяснение: рекой Русой называется «восточное плечо реки Немени, впадающее в Курской залив...»¹⁷⁷. То есть река Руса – это не река Рось, впадающая в Ильмень, и не Старая Русса.

Ломоносов считал также, что варяги-россы и пруссы были из одного племени, и ссылался на общность нравов, на то, что Литва, Жмудь и Подляхия исстари звались Русью, и со ссылкой на Гельмольда полагал, что прусский, литовский и летский (латышский) язык – это отрасль славянского языка¹⁷⁸. Это весьма немаловажные утверждения. Ломоносов согласился с мнением Миллера о том, что имя «росс» появилось на Руси только вместе с варягами. Но, не соглашаясь с выведением его из финского названия шведов, он считал, что название «росс» давно бытовало на южнобалтийском побережье, откуда эти варяги и вышли вместе со своим именем, и шведы тут ни при чем.

Этим Ломоносов дал аргументы для второго спора о варягах, в котором Костомаров защищал концепцию, что русь происходит как раз из Литвы. С точки зрения современных представлений, да и вообще на фоне усиленных поисков аргументации в пользу славянства

Ломоносов не отличался достижениями в области работы с источниками.

¹⁷⁴ Ломоносов М.В. Древняя российская история. М.: Алгоритм, 2011. С. 50.

¹⁷⁵ Ломоносов М.В. Краткий Российский летописец. СПб., 1760. Предисловие.

¹⁷⁶ Ломоносов М.В. Краткий Российский летописец. СПб., 1760. Предисловие.

¹⁷⁷ Ломоносов М.В. Древняя российская история. С. 54.

¹⁷⁸ Ломоносов М.В. Древняя российская история. С. 56–57.

призванных князей, которые велись противниками «скандинавомании» в первой половине XIX века, эта позиция выглядит достаточно странно и неясно, если не принимать во внимание, что ее Костомаров почерпнул у Ломоносова.

Однако откуда сам Ломоносов взял эту точку зрения? Из летописи ее нельзя было вывести, поскольку она не дает повода так считать. На первый взгляд выведение князей из Пруссии или Литвы можно было бы считать произвольным положением Ломоносова, если бы у этого представления не было предшественников. Во-первых, об этом говорит известная легенда о происхождении московских царей от брата римского императора Августа – Пруса. Во-вторых, о происхождении русских князей именно из Пруссии как об определенном факте говорится в книге шведского посла в России Петра Петрея де Эрлезунда¹⁷⁹. Ссылка на это есть у Шлецера в «Несторе»¹⁸⁰. Петрей с этого начинает свою книгу. Скорее всего, именно оттуда Ломоносов и взял эту точку зрения.

В общем, получилась у Ломоносова причудливая комбинация из «Синописа», с выведением славян от сарматов и роксолан, их огромным могуществом и славой, со славянским происхождением конкретно призванных князей и «варягов-россов» и с заимствованием у Миллера некоторых тезисов вроде утверждения о пришлости славян, чуди и признания, что варяги были по большей части скандинавами. Надо сказать, что критика Миллера в определенной степени достигла цели и Ломоносов явно старался примирить собственные взгляды, восходящие к киевскому «Синопису», с теми утверждениями Миллера, которые ему оспорить не удалось. Также, судя по тому, насколько кратко Ломоносов излагал древнюю историю Руси в своих работах, можно заметить, что, видимо, ему даже эти компромиссные построения казались весьма шаткими. Пуститься в более подробные объяснения означало бы навлечь на себя критику, которой трудно было бы возразить.

Но на первый взгляд казалось, что задача защиты русского исторического нарратива от всякого «чего России предосудительного» Ломоносовым была выполнена: на Русь действительно призвали варягов княжить, только это были не шведы и не скандинавы, а особенные «варяги россы», славянского происхождения из Южной Балтики.

Самая большая неудача Ломоносова в области истории состояла в том, что ему не удалось создать крупную историческую работу, в которой была бы создана концепция истории Руси, укладывающаяся в рамки русского исторического нарратива, и при этом она выдерживала бы научную критику. Для этого требовалась большая и тщательная работа с письменными источниками, которая ему оказалась не по силам. Кратчайшее же изложение было явно недостаточным и существенно подкрепить русский исторический нарратив не могло.

¹⁷⁹ De Erlesunda P. Historien und Berichte von dem Großfürstentum Muschkow. Leipzig, 1620. S. 1.

¹⁸⁰ Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. Ч. 1. СПб., 1809. С. 285.

Конспиративный реванш за поражение в споре

Миллер после кратковременной опалы в 1750 году тем не менее довольно быстро вернул утраченные позиции и снова стал заниматься историей. В 1750 году он опубликовал первый том «Описания Сибирского царства». В 1754 году ему присвоили звание конференц-секретаря Академии наук и поручили ответственное дело – переписку с иностранными учеными, подбор профессоров для Московского университета, а также сотрудничество с Вольтером, который пожелал написать труд о царствовании Петра I. В 1755 году Миллеру также поручили редактировать «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», который стал издаваться по предложению президента Академии наук Разумовского. Журнал издавался до 1764 года, до отъезда Миллера в Москву.

Миллер в это время составил несколько сочинений по русской истории, в том числе в 1761 году написал «О начале Новгорода и происхождении российского народа», в котором вынужден был присоединиться к мнению Ломоносова, что варяги, призванные на Русь княжить, были роксоланами из Южной Балтики. Ломоносов, пока был жив, тщательно следил за работами Миллера и препятствовал ему во всем, что казалось ему политически подозрительным. В частности, он добился, чтобы Миллер прекратил работу над исследованием истории Смутного времени, так что ему пришлось публиковать свои взгляды на русскую историю различными окольными путями.

После дворцового переворота 28 июня 1762 года, когда к власти пришла императрица Екатерина II, карьера Миллера пошла в гору. В 1764 году личный секретарь императрицы генерал-поручик (3-й ранг, соответствующий тайному советнику) И.И. Бецкой затеял учреждение и строительство в Москве Московского воспитательного дома, главным надзирателем которого именным указом императрицы был назначен Миллер. Он уехал в Москву, где строилось самое крупное в Москве каменное здание для этого учреждения. В марте 1766 года Миллер получил еще одно повышение и был назначен указом императрицы начальником Московского архива Коллегии иностранных дел.

Это было высокое и почетное назначение, в котором ясно видно, что императрица очень высоко ценила Миллера как историка. Московский архив был крупнейшим в России собранием древних документов. Вскоре после этого назначения умер Ломоносов.

Миллер постарался взять реванш за поражение в споре с Ломоносовым и выпустил работы, в которых отказался от вынужденного согласия с его концепцией варягов-роксолан из Южной Балтики. В 1768 году он издал латинский перевод своей речи 1749 года под названием «*Origines Rossicae*» в пятом томе «*Allgemeine historische Bibliothek*», издававшемся в Геттингене¹⁸¹. Вполне возможно, что в этом издании определенное участие принял Шлецер, который вернулся из Петербурга в Геттинген в 1767 году. Однако Миллер отказался от навязанного ему мнения очень осторожно. Публикация была анонимной и предварялась анонимным письмом из Санкт-Петербурга, в котором утверждалось: «Еще должен я Вам сказать, что в 5-м томе «*Sammlung russischer Geschichte*» (S. 385 и далее) г. Миллер отказался от своего, вызывающего споры утверждения о норманнском происхождении Рюрика и высказал предположение, что он пришел из Пруссии. Его основания меня не убедили. Рюрик все же был норманном!.. и в этой речи г. Миллер именно так и думал. Может быть, я сам напишу об этом когда-нибудь, но только не речь»¹⁸². Скорее всего, настоящим автором письма был сам Миллер.

¹⁸¹ Allgemeine historische Bibliothek von Mitgliedern des Koniglichen Instituts der historischen Wissenschaften zu Göttingen. Halle, 1768. Bd. 5. S. 280–340.

¹⁸² Allgemeine historische... S. 281.

Далее, в 1773 году в Академической типографии была издана работа «О народах, издревле в России обитавших», в которой повторялись основные тезисы речи 1749 года. Это издание было также анонимным и подавалось как перевод с немецкого, автор которого переводчику был неизвестен. Второе издание в 1788 году, после смерти Миллера, было уже под его именем.

Проявленная конспирация, очевидно, была связана с тем, что Миллер очень дорожил своим постом начальника Московского архива, позволявшим ему работать с подлинными русскими документами. Он явно не желал, чтобы из-за несогласия с ломоносовской концепцией происхождения варягов его лишили этой возможности, тем более что его исторические работы всегда находили оппонентов, старавшихся ему помешать.

Таким конспиративным образом Миллер вооружил немецких историков набором аргументов в пользу скандинавского происхождения летописных варягов, в первую очередь, конечно, переводами русских летописей. Поэтому в европейской исторической науке исследователи всегда придерживались мнения, что варяги – это скандинавы, тогда как точка зрения Ломоносова, равно как и весь последующий антинорманизм, у них не находили отклика.

Миллер также очень помогал другим исследователям, занимавшимся русской историей, как зарубежным, так и российским. Так, он сыграл большую роль в издании труда В.Н. Татищева в 1768 году. В должности начальника Московского архива он много помогал, к примеру, князю М.М. Щербатову в его работах по истории и изданиях русских летописей и документов. И тут тоже не обошлось без некоторой конспирации.

Труд Щербатова «История Российская с древнейших времен» с точки зрения спора о варягах представляет собой весьма любопытное смешение концепций Миллера и Ломоносова в сочетании с собственными оригинальными суждениями. Во-первых, Щербатов во многих местах часто цитирует киевский «Синописис», доверяя ему в весьма многих вопросах. Так, он считал, что россы происходят от роксолан и имя «русь» существовало задолго до прихода варягов¹⁸³. Нужно отметить, что Щербатов коснулся и названий порогов на Днепре и полагал, что «русские» названия порогов являются хазарскими: «... однако видно по всему, что те наименования, которые он русскими называет, были действительно козарскими, сиречь народа, тогда живущего во круге сих порогов...»¹⁸⁴

Во-вторых, он много и пространно пишет о войнах скандинавских королей с российскими царями, и в этих местах его работа демонстрирует явное сходство с речью Миллера 1749 года, правда, без прямых ссылок на нее. Вполне вероятно, что Щербатов мог с ней ознакомиться у Миллера или же Миллер убедил князя в том, что использованные им ранее источники в этом вопросе достоверны и убедительны.

Однако, в-третьих, в главном вопросе о происхождении князей Щербатов, похоже, также поддался влиянию Миллера. Несмотря на всю свою приверженность древности и славности славян, роксолан и россов, он все же признавал Рюрика скандинавом, во всяком случае, точно не славянином, ссылаясь при этом на Степенную книгу, в которой Рюрик назывался немцем¹⁸⁵. Щербатов отверг мнение Ломоносова о выходе Рюрика из Пруссии тем, что Пруссия тогда была совершенно неизвестна, а короли датские, финляндские и лифляндские были куда могущественнее: «Я же признаюсь в неведении своем, что доньше не помню, где бы нашел упоминание о прусских герцогах около сего течения времени, хотя шведские и датские историки и весьма часто о финляндских и лифляндских царях упоминают»¹⁸⁶. Щербатов высказал предложение, что Рюрик мог быть сыном лифляндского короля Диона, побежденного датским коро-

¹⁸³ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1. От начала до кончины великого князя Ярослава Владимировича. СПб., 1770. С. 3.

¹⁸⁴ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1... С. IV.

¹⁸⁵ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1... С. IV. С. 105.

¹⁸⁶ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1... С. IV. С. 186.

лем Рагнаром, или сыном одного из сыновей лифляндского короля Диана или Даксона¹⁸⁷. При чем он полагал, что приглашенные князья были или внуки, или зятя новгородского посадника Гостомысла¹⁸⁸

¹⁸⁷ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1... С. IV. С. 187.

¹⁸⁸ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1... С. IV. С. 191–192.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.